

Саймон Кричли

Проницательно, глубоко и весьма
остроумно... Кричли – обаятельный гид
по мировой философии...

The Daily Telegraph

Авторская серия Саймона Кричли

Саймон Кричли
Книга мертвых философов

«РИПОЛ Классик»

2008

УДК 82-94
ББК 84(7Сое)6-44

Кричли С.

Книга мертвых философов / С. Кричли — «РИПОЛ
Классик», 2008 — (Авторская серия Саймона Кричли)

ISBN 978-5-386-10178-7

Кричли представляет собой сборник коротких и великолепно написанных эссе примерно о 200 мыслителях, и охватывает все основные школы мысли, начиная от классических греческих и китайских ученых и заканчивая христианскими святыми и теоретиками нынешних дней. В свойственной ему провокационной и развлекательной манере Кричли делится интересными историями как о том, что думали философы о смерти, так и о том, как именно они умирали. Приведенные им описания не ставят целью лишь развлечь нас (хотя, безусловно, им это удастся). Эта книга, представляющая собой своеобразный сборник жизнеописаний, сильно отличается от назидательных томов популярной философии не только степенью доступности информации, но и масштабом охвата.

УДК 82-94
ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-386-10178-7

© Кричли С., 2008
© РИПОЛ Классик, 2008

Содержание

Введение	9
Сократ,	13
Умереть со смехом	17
Как писать про мертвых философов	23
190 (или около того)	30
Досократики, физиологи, мудрецы и софисты	31
Платоники, киренаики, последователи Аристотеля и киники	46
Скептики, стоики и эпикурейцы	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Саймон Кричли

Книга мертвых философов

Simon Critchley
THE BOOK OF DEAD PHILOSOPHERS

Авторская серия Саймона Кричли

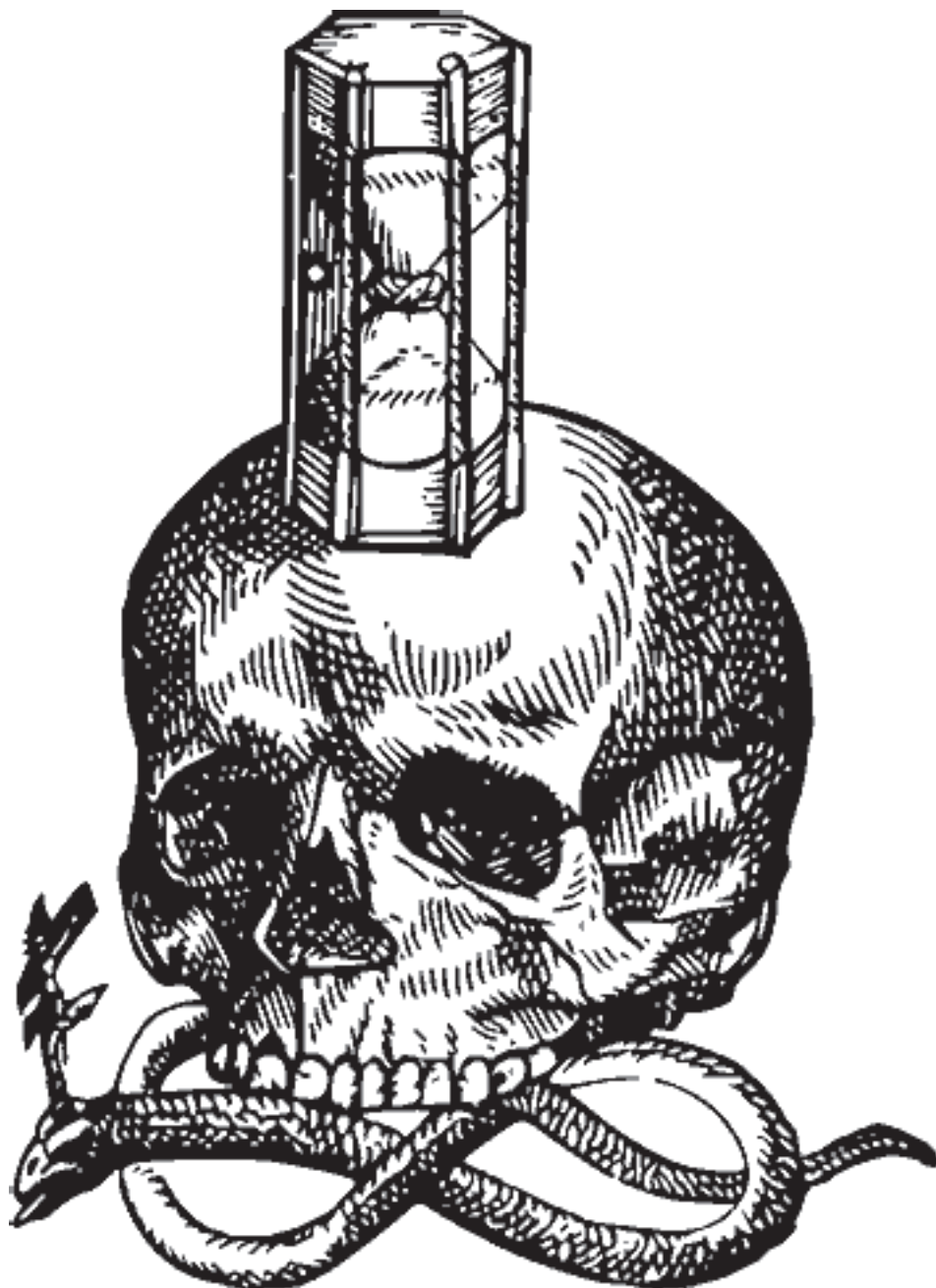
Originally published in English by Granta Publications under the title The Book of Dead Philosophers

Copyright © Simon Critchley 2008 Simon Critchley asserts the moral right to be identified as the author of this Work

© Миронов П. В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

«Эта невероятно приятная для чтения книга наглядно показывает, что атеисты и материалисты уходят в могилу с тем же спокойствием, что и истинно верующие. Автор верит, что мы не можем жить правильно или мирно, пока не согласимся с конечностью своей природы. С его точки зрения, в наше время люди ищут все больше материалистических причин для того, чтобы отвлечься от самой мысли о смерти».

Воскресный выпуск газеты Independent

«Кричли, который, по мнению писателя Тома Маккарти, представляет собой самого острого и точного философа, пишущего на английском языке в наши дни, говорит о серьезных идеях, и делает это с немалым юмором».

London Review of Books

«В свойственной ему провокационной и развлекательной манере... Кричли делится интересными историями как о том, что думали философы о

смерти, так и о том, как именно они умирали... Приведенные им описания не ставят целью лишь развлечь нас (хотя, безусловно, им это удастся). Кричли полагает, что они призваны бросить вызов устоявшейся концепции философии, согласно которой она представляет собой форму абстрактного концептуального поиска, не имеющего никакой разницы для жизни людей, которые ей занимаются».

Guardian

«Наброски Кричли о жизни и смерти философов, начиная с античных времен... прекрасны, интересны, информативны и наполнены легкостью и юмором».

New Humanist

«Сама тема довольно непроста, однако книга написана с привлекательной легкостью и вниманием к биографическим деталям».

The Philosophers' Magazine

«Книга Кричли заставит людей интересоваться, почему мы вообще здесь находимся».

Big Issue Cymru

«Сопrotивление Кричли аккуратной телеологической истории философских систем вызывает искреннее восхищение».

Frieze

«Кричли рассказывает о смертях своих предшественников как о 190 выплесках энергии, которые, по его мнению „могут помочь нам встать лицом к лицу с реальностью нашей смерти“. Эта книга, представляющая собой своеобразный сборник жизнеописаний, сильно отличается от назидательных томов популярной философии не только степенью доступности информации, но и масштабом охвата».

Sunday Herald

«Задавая важные вопросы, Кричли при этом демонстрирует потрясающий калейдоскоп наиболее примечательных судеб в истории философии».

The List

«Книга, представляющая собой сборник коротких и великолепно написанных эссе примерно о 200 мыслителях, охватывает все основные школы мысли, начиная от классических греческих и китайских ученых и заканчивая христианскими святыми и теоретиками нынешних дней. Обсуждая труды, жизнь и смерть этих людей, Кричли надеется освободить нас от «ужаса аннигиляции», управляющего нашими жизнями и лишаящего ее удовольствия... Книга Кричли – вполне интересный первый шаг в познании этого не всегда дружелюбного мира, а энтузиазм автора в отношении философии как практики повседневной жизни – и смерти – не может не увлекать читателя».

San Francisco Chronicle

«Это смелый писатель. Он написал интересную и глубокую книгу, хотя, на первый взгляд, может показаться, что это – лишь сборник острот, отчасти довольно милых».

New York Observer

«Работа, заставляющая философию вновь стать чем-то важным».

Booklist

Введение

Эта книга начинается с простого предположения о том, что в настоящее время в нашем уголке планеты человеческая жизнь определяется не страхом смерти, а невероятно сильным ужасом аннигиляции. Мы боимся неизбежности своей смерти, связанной с ней болью и бессмысленного страдания. Мы боимся того, что в итоге останется в могиле от тела, упакованного в ящик и опущенного в землю с тем, чтобы оно стало кормом для червей.

С одной стороны, мы склонны отрицать факт смерти и погружаться с головой в мир удовольствий, забвения, опьянения и бездумного накопления денег и имущества. С другой стороны, ужас аннигиляции заставляет нас безоговорочно верить в волшебные формы спасения и обещания бессмертия, которые дарят нам различные формы традиционной религии и множество софистов эпохи «Нью-эйдж» (часто базирующихся на довольно старых идеях). Мы пытаемся обрести или временное утешение в форме мгновенного забвения, или чудесное избавление в загробной жизни.

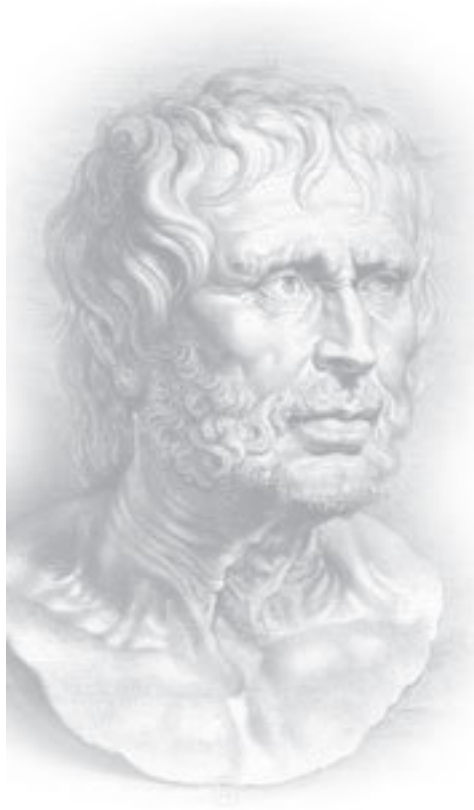
Идеал философской смерти обладает отрезвляющей силой, противостоящей опьяняющему нас желанию бежать и скрываться от этого вопроса. Как пишет Цицерон (это заявление было аксиоматичным для древней философии в целом и находило отклик в последующие эпохи), «философствовать – значит учиться умирать». С этой точки зрения основная задача философии состоит в том, чтобы подготовить нас к смерти, провести своего рода

тренировку и сформировать определенное отношение к конечности нашего существования, предполагающего ужас аннигиляции и не обещающего загробной жизни. Монтень пишет об обычае древних египтян, которые приносили на свои пиршества некий образ смерти – обычно человеческий скелет, – а специально обученный человек обращался к участникам: «Пей и возвеселись сердцем, ибо, когда умрешь, ты будешь таким же».

Из этой истории Монтень выводит следующую мораль: «...я приучал себя не только думать о смерти, но и говорить о ней всегда и везде». Таким образом, заниматься философией означает учиться смерти – в словах, которые вы говорите, пище, которую едите, и напитках, которые вы пьете. Именно таким образом мы начинаем противостоять ужасу аннигиляции, поскольку в конечном счете именно страх смерти превращает нас в рабов; он либо ведет к ее временному забвению, либо заставляет мечтать о бессмертии. Как пишет Монтень, «кто научился умирать, тот разучился быть рабом». Это поистине потрясающее заключение: предвидение смерти представляет собой не что иное, как предвидение свободы. Следовательно, попытка избежать смерти означает, что вы остаетесь несвободными и пытаетесь бежать от самих себя. Отрицание смерти – это ненависть к самому себе.

В Античности считалось вполне естественным, что именно философия дает нам мудрость, необходимую для противостояния смерти. Философ смотрит смерти в лицо и имеет достаточно сил, чтобы заявить о том, что она ничего не значит. Одним из первых проповедников подобной философской смерти был Сократ, о котором я детально расскажу ниже. В диалоге Платона «Федон» он утверждает, что философ должен оставаться бодрым даже перед лицом смерти. Но он идет дальше и говорит, что истинные философы превращают умирание в свою профессию. Если человек научился умирать по-философски, то он может относиться к самому факту кончины с должным самоконтролем, безмятежностью и смелостью.

Эта сократовская мудрость находит еще более радикальное выражение несколькими столетиями позднее в стоицизме Сенеки, который пишет: «Если что-то и мешает тебе жить хорошо, то ничто не мешает хорошо умереть». В его представлении философ наслаждается долгой жизнью, поскольку он не беспокоится о ее краткосрочности. Стоицизм пытается учить нас «чему-то великому, высшему и почти небесному», а именно спокойствию и умиротворенности перед лицом смерти.

Сенека знал, о чем говорит. Он был приговорен к смерти Калигулой в 39 году н. э. и был сослан Клавдием по обвинению в связях с племянницей императора в 41 году. Затем, когда он уже стал самой важной интеллектуальной фигурой в римском мире и одним из наиболее влиятельных чиновников, Нерон заставил его совершить самоубийство в 65 году.

Сенека пророчески пишет: «Я знал, в каком бурлящем обществе Природа отвела для меня место. Мне часто доводилось слышать вокруг себя грохот падающих зданий. Многие из тех, с кем я общался на Форуме и в Сенате, с кем вел разговоры по ночам, предпочли разорвать прежние узы дружбы. Стоило ли мне удивляться, что бедствия, до поры, обходившие меня стороной, в какой-то момент настигли и меня?»

И хотя фактически смерть философов не всегда так благородна, как у Сократа, а довольно неприятные обстоятельства неудачного самоубийства Сенеки будут описаны ниже, пока что я хочу защитить сам идеал философской смерти. В мире, где единственная метафизика, в которую верят люди – это либо деньги, либо медицина, и где долголетие считается одним из высших благ, я не могу отрицать, что смерть – это довольно сложный для защиты идеал. Однако я убежден, что философия может научить нас готовности к смерти – без этого любая концепция или любое истинное удовольствие, не говоря уже о счастье, будут иллюзорными. Хотя это и может показаться странным, но единственное, о чем я постоянно думаю и забочусь, описывая эти печальные истории – это смысл и возможность счастья.

Если говорить совсем просто, то эта книга о том, как умирали философы и о том, чему мы можем научиться у философов с точки зрения отношения к смерти и умиранию. Перефразируя эпиграф из книги Монтеня, я пытался создать, «реестр различных видов смерти с соответствующими комментариями». Мне представляется, что, научившись тому, как надо умирать, мы сможем научиться тому, как жить.

Позвольте мне сделать небольшое предостережение относительно формы «Книги мертвых философов». Эта книга представляет собой собрание коротких, иногда очень коротких, рассказов о различных философах и том, как именно они умирали. Зачастую смерть

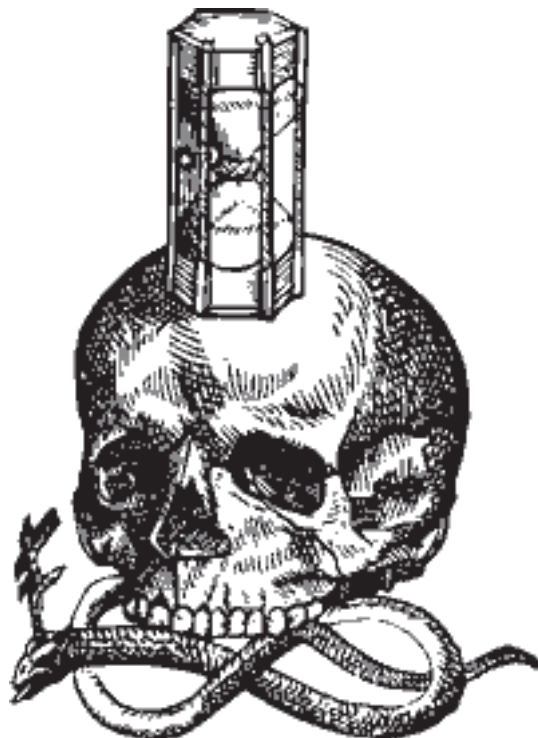
философов привязана к идеям, которые они проповедовали. Некоторые рассказы имеют всего пару строк, а другие представляют собой небольшие эссе (в случае особенно значимых философов или тех, которых я особенно ценю). К примеру, читатель найдет в книге довольно подробные описания жизни и смерти таких личностей, как Сократ, Диоген, Эпикур, Лукреций, Чжуан-цзы, Сенека, Блаженный Августин, Фома Аквинский, Монтень, Декарт, Локк, Спиноза, Юм, Руссо, Гегель, Шопенгауэр и Ницше. Также я уделил большое внимание мыслителям XX века вроде Витгенштейна, Хайдеггера, Айера, Фуко и Деррида. Очерки расположены в хронологическом порядке, начиная от Фалеса, жившего в VI веке до н. э., и заканчивая философами нашего времени. Они разделены на серии глав, отражающих основные эпохи в истории философии. При этом моя хронология не всегда будет точной, а философы не всегда будут рассматриваться в строгой временной последовательности, в частности тогда, когда это не подходит для моих целей.

Я не пытался описывать, как умер каждый значительный философ. Опытный глаз наверняка заметит пробелы, а многие читатели не согласятся с моим выбором героев. Некоторые философы не были включены в эту книгу – либо потому, что я не нашел в их смерти ничего интересного (например, Фреге, Гилберт Райл или Дж. Л. Остин), либо из-за того, что их смерти произошли совсем недавно (как в случае Ричарда Рорти, умершего 8 июня 2007 года, когда я уже завершал эту книгу). Если говорить совсем просто, то я сконцентрировался на философам, показавшихся мне интересными. Однако это уже немало – число моих героев составляет около 190.

Открывая для себя большое количество более и менее значимых фигур в истории западной философии (в том числе удивительно большое количество женщин-философов), читатель найдет в книге и довольно поверхностное описание жизни святых, классических китайских философов, а также средневековых исламских и иудейских философов, среди которых некоторые имели довольно увлекательные взгляды на смерть (и даже умерли вполне примечательной смертью). Статьи о моих героях можно читать или от начала до конца, или в любом другом порядке. Я совершенно не возражаю, если книга будет использоваться для того, чтобы убить время, но надеюсь, что (при чтении с начала до конца) вы сможете увидеть целый ряд сквозных тем, позволяющих понять, каким образом философия может научить человека правильно умирать и (пусть опосредованно) тому, как жить.

Как-то раз Матисса спросили, верит ли он в Бога. Он ответил: «Да, когда я работаю». Давайте просто скажем, что эта книга стала результатом большой работы. Хотя в моих исследованиях использовалось огромное количество литературных источников, я решил не засорять свой текст ссылками. Читателю придется довериться мне. Желающие проследить за моими источниками и узнать что-то новое для себя могут воспользоваться аннотированной библиографией в конце книги. Те же, кто стремится к большему и хочет узнать что-то еще об истории философии и философов, могут обратиться за информацией к последним страницам этого введения.

Сократ, или Умение умирать

Принято считать, что философия начинается с суда над Сократом и его смерти. Сократ был приговорен к ней по обвинению, сфабрикованному Мелетом, Анитом и Ликоном. Против него было выдвинуто два обвинения: в развращении афинской молодежи и в отказе поклоняться богам города. По свидетельству Платона, существовало и третье обвинение в том, что Сократ придумал своих собственных, «новых» богов. Вне зависимости от справедливости последнего обвинения, Сократ всегда заявлял о том, что следует своему собственному *daimon*, «чему-то небесному», по слову Цицерона, то есть личному богу или духу, который мы привыкли называть совестью. Однако *daimon* Сократа не был неким «внутренним голосом», а, скорее, внешним знаком или командой, которая могла бы заставить его внезапно перестать заниматься тем или иным делом.

Смерть Сократа иногда воспринимается как политическое шоу и казнь невинного инакомыслящего в условиях тиранического государства. При этом не следует забывать, что среди последователей Сократа были весьма реакционные люди. Ученик Сократа Критий был лидером «Тридцати тиранов» – антидемократической группы правителей Афин в 404–403 гг. до н. э. Стоит также напомнить, что, согласно Ксенофону, единственным учеником Сократа, которому тот посоветовал заняться политикой, был нерешительный Хармид, еще один из «Тридцати тиранов», впоследствии погибший на поле боя вместе с Критием.

И, наконец, Алкивиад – миловидный, харизматичный и развращенный аристократ, описанный в «Пире» Платона в образе пьяницы – дважды перебежал из Афин к врагу (один раз к спартанцам, а второй – к персам). Сократ, особенно в версии, приводимой Платоном в «Государстве», вряд ли может считаться большим сторонником демократии, а аристократы из правого крыла могли вполне оправданно считать его учения средством разжигания недовольства демократией.

Смерть Сократа – это трагедия из нескольких актов. Гегель пишет, что суд над Сократом представляет собой момент, когда трагедия сходит со сцены и полностью входит в политическую сферу, становясь трагедией разложения и коллапса самих Афин.

Платон посвящает не менее четырех диалогов событиям, окружающим суд над Сократом и его смерть («Евтрифон», «Апология», «Критон» и «Федон»). Помимо этого, не следует забывать и о «Воспоминаниях о Сократе» и об «Апологии (Защите Сократа на суде)» Ксенофонта. В «Федоне», который часто считается последним из четырех диалогов Платона, слова Сократа перекликаются с пифагорейской верой самого Платона в бессмертие души. Однако появившаяся ранее «Апология» содержит иную точку зрения на вопрос. Сократ говорит, что смерть – это не зло, а, напротив, благо. Смерть представляет собой одну из двух возможностей – либо это аннигиляция, и мертвый человек не имеет какого-либо сознания; либо это реальное изменение, то есть перемещение души из этого места в другое.

При этом Сократ настаивает на том, что, вне зависимости от того, какие из этих возможностей действительны, смерть это не то, чего стоит бояться. Если это аннигиляция, то тогда смерть долгий и крепкий сон без сновидений, а что может быть более приятно? Если же смерть предполагает перемещение в другое место, а именно Гадес, то это – не менее желанный исход, ведь у нас появляется возможность встретить старых друзей и греческих героев, а также поговорить с Гомером, Гесиодом и всей остальной бессмертной компанией.

Существует и еще одна история про Сократа. Некий человек сказал ему: «Тридцать тиранов приговорили тебя к смерти», на что Сократ ответил: «А их осудила на смерть природа». Сократ переводит разговор на своих обвинителей и судей, утверждая, что те должны

встретить смерть с уверенностью. Будучи приговоренным к смерти, Сократ завершает свою речь следующими потрясающими словами:

Пришло время двигаться дальше – мне умирать, а тебе жить. Однако никто, кроме Бога, не знает, кому из нас повезет больше.

Эти слова исчерпывающим образом описывают классическое философское отношение к смерти – ее не нужно бояться. Напротив, смерть напрямую связана с тем, как нужно проживать жизнь. Загадочные последние слова Сократа. «Критон, нужно принести петуха в жертву Асклепию». – отражают точку зрения, согласно которой смерть – это лекарство от жизни. Асклепий был богом врачевания, и люди, страдавшие от заболеваний, обычно приносили ему жертву перед сном в надежде проснуться исцелившимися.

Анализируя слова Сократа относительно смерти, приведенные в «Апологии», нужно понимать, что, хотя смерть и может выражаться в форме одного из двух описанных выше вариантов, мы не знаем, какой из них верен. Иными словами, философия учит нас, как умирать, но эта информация еще не представляет собой истинное знание. И это крайне важно. То, чему нас учит философия, – это не некий ограниченный объем знаний, который может покупаться или продаваться подобно товару на рынке. Этим занимаются софисты – Горгий, Продик, Протагор, Гиппий и другие, взгляды которых Сократ неустанно критикует в диалогах Платона. Хотя Сократ описывался Аристофаном в комедии «Облака» как софист, сами софисты представляли собой класс профессиональных преподавателей, возникший в V веке до н. э. и обучавший за определенную плату молодых людей искусству публичных выступлений. Софисты были мастерами разговора, «сладкоречивыми», как пишет Филострат. Они путешествовали из города в город, предлагая знание в обмен на деньги.

В противовес харизматичным и ярко одетым софистам, обещавшим знание всем желающим, плохо одетый и немного отталкивающий Сократ олицетворяет собой выражение парадокса. С одной стороны, Сократ был объявлен Оракулом в Дельфах самым мудрым человеком Греции. С другой стороны, Сократ всегда настаивает на том, что ничего не знает. Как же может быть, что самый мудрый человек в мире ничего не знает? Этот кажущийся парадокс исчезает, когда мы учимся отличать мудрость от знания и становимся любителями мудрости, то есть философами.

К примеру, в «Государстве» рассматривается вопрос справедливости. «Что такое справедливость?» – спрашивает Сократ, после чего начинается обсуждение, препарирование и отвержение множества более-менее распространенных точек зрения на справедливость. Однако в главных книгах «Государства» Сократ не дает своим собеседникам исчерпывающего ответа на вопрос о справедливости или какой-нибудь общей теории по этому вопросу. Вместо этого мы знакомимся с набором историй, – самой известной из которых выступает миф о пещере, – отвечающих на заданный вопрос косвенным образом. Нам говорят, что путь к справедливости состоит в обращении души в сторону Бога, что, явным образом, означает не познание, а действие, связанное с любовью. Таким образом, философия начинается с сомнения в определенности и реальности знания, а заканчивается возвращением любви к мудрости. Философия эротична, а не просто эпистемична.

Никогда прежде не было столь важно подчеркнуть различие между философией и софистикой, как в наше время. Мы окружены бесчисленным количеством новых софистов. Телеевангелисты навязывают нам авторитарное толкование истинного Слова Божия и совершают чудеса исцеления в обмен на немалые суммы пожертвований. Возникла целая индустрия «ню-эйдж», в которой Знание (с большой буквы) того, что называется «Я» (с большой буквы) предлагается обернутым в дорогостоящую и ярко раскрашенную упаковку. Я пишу эти строки на бульваре Уэст-Сансет в Лос-Анджелесе, совсем недалеко от дворца с вывеской «Центр Самореализации», в котором можно найти и сады, и священное озеро, и китче-

вую архитектуру в индийском стиле, и дорогостоящие программы по улучшению духовного самопознания и объединения с Богом.

Думаю, что будет вполне справедливым сказать, что западные общества (и не только они) сталкиваются с разрывом смысла, угрожающим вырасти в настоящую бездну. Этот разрыв заполняется различными формами мракобесия – для начала утверждается, что самопознание более чем достижимо, затем – что за это удовольствие надо платить, а затем и то, что поиски самосознания напрямую связаны со стремлением к богатству, удовольствиям и личному спасению. Напротив, Сократ никогда не заявлял о том, что что-то знает наверняка, никогда не обещал знания другим и, самое главное, никогда не принимал плату.

Мы хотим обрести уверенность и отказаться от ужаса смерти и беспокойства. Мы хотим быть уверены в том, что смерть – это не конец, а переход к загробной жизни. А если у вечной жизни имеется плата за вход, то кто не был бы готов ее внести? И эта точка зрения полностью противоречит Сократу и его скептицизму. Сократ не просто выражает сомнение в загробной жизни, он поднимает вопрос о том, что предпочтительнее – жизнь или смерть. Философ – это любовник мудрости, который не заявляет о своем знании, а выражает радикальное сомнение по отношению ко всему, даже к тому, какое состояние лучше – жизнь или смерть. Последние слова Сократа после суда звучат так: «Знает лишь Бог». Диоген Лаэртский, автор широко известной книги «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», написанной в III веке н. э., рассказывает поразительную историю Фалеса, обычно считающегося первым философом.

Фалес утверждал, что между жизнью и смертью нет никакой разницы. «Почему же, – спросили его, – вы не умираете?» «Как раз потому, – сказал он, – что это ничего не изменит».

Таким образом, для того, чтобы быть философом, нужно научиться тому, как умирать, и вырабатывать в себе правильное отношение к смерти. Как пишет Марк Аврелий, одна из самых благородных функций разума состоит в том, чтобы понять, пришло ли время покинуть мир или еще нет. Философ же покидает мир незнающим и неуверенным.

Умереть со смехом

«Книга мертвых философов» – это совсем не то же, что «Книга мертвых» (египетская или тибетская). В древних писаниях тщательно фиксируются ритуалы, необходимые для спокойной и уверенной подготовки к загробной жизни. Египетская книга мертвых состоит из 189 стихов, помогающих душе перейти в астральную или солнечную загробную жизнь. Тибетская книга мертвых описывает похоронные ритуалы, необходимые для прерывания иллюзорных циклов существования и достижения Просветления (с большой буквы П), которое, по всей видимости, приходит с осознанием Нирваны.

Эти подходы имели огромное влияние – начиная от «Тайной доктрины» Теософического общества мадам Блаватской в конце XIX века, продолжаясь в психоделической версии «Тибетской книги мертвых», созданной Тимоти Лири в 1960-х годах с помощью ЛСД, и заканчивая современным нам наваждением «близкого к смерти» состояния «пребывания внутри собственного тела», описанного Раймондом Моуди в 1976 году в книге «Жизнь после Жизни».

Примерно такую же позицию по данному вопросу Ницше называл «европейским буддизмом», хотя понятно, что теперь в ней присутствует и немалая доля американского буддизма. Главное положение как в египетской, так и в Тибетской книге мертвых и у их современных эпигонов состоит в том, что смерть – это иллюзия. Существование представляет собой цикл перерождений, прервать который способен лишь окончательный переход к Просветлению. Душа может освободиться, лишь обретя доступ к правильному Знанию (еще раз с большой буквы) и отринув то, что Шопенгауэр называл «пеленой Майи».

Такое отношение к смерти отлично выражено в словах знаменитого бенгальского поэта Рабиндраната Тагора: «Смерть есть угасание лампы в лучах рассвета, а не угасание солнца». Влияние этого подхода к смерти и умиранию можно найти в невероятно популярных трудах Элизабет Кюблер-Росс. Она выступала сторонницей глубокого психологического подхода к умирающим пациентам, основанного на знаменитых пяти стадиях умирания (отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие) и получившего широкое распространение в паллиативной помощи. Каждая глава книги «О смерти и умирании» (1969) начинается с цитаты Тагора, а

в другой работе того же автора с многозначительным названием «Death: The Final Stage of Growth (Смерть: последняя стадия роста) (1974) многократно воздается должное Тибетской книге мертвых.

Не желая отрицать терапевтических преимуществ такого подхода, я, тем не менее, обеспокоен тем, что, согласно ему, смерть – это иллюзия, преодолеть которую возможно с помощью правильной духовной подготовки. Ведь на самом деле смерть – это не иллюзия, а реальность, которую нужно признать. Я даже готов пойти дальше и заявить, что человеку следует устраивать свое существование, помня о реальности смерти. Возможно, самой отвратительной чертой современного общества выступает нежелание принять эту реальность и стремление избежать факта смерти.

«Книга мертвых философов» представляет собой, скорее, набор напоминаний о смерти или *memento mori*. Это – не боевой клич новой эзотерической эпохи, а, скорее, 190 знаков вопроса, помогающих нам увидеть реальность смерти. На этом хорошие новости заканчиваются. История смертей философов – это еще и история странностей, сумасшествия, самоубийств, убийств, неудач, пафоса (ложного и истинного), а также толики черного юмора. Обещаю, что вы умрете со смеху во время чтения. Позвольте мне пока что перечислить несколько примеров, обсуждению которых будут посвящены следующие страницы:

Пифагор позволил убить себя, не пожелав убежать от преследователей через поле, засеянное бобами;

Гераклит задохнулся в коровьем навозе;

Платон, по некоторым сведениям, умер от вшей;

Аристотель, по данным историков, убил себя при помощи аконита;

Эмпедокл бросился в жерло вулкана Этна в надежде стать богом, но одна из его бронзовых туфель была выброшена вулканом на поверхность как доказательство того, что он – простой смертный;

Диоген умер, сознательно остановив свое дыхание;

То же самое сделал великий радикал Зенон Китийский;

Зенон Элейский умер героической смертью, кусая за ухо тирана, пока его не забили до смерти;

Лукреций, по некоторым данным, убил себя после того, как сошел с ума от выпитого им любовного зелья;

Гипатия была растерзана бандой разгневанных христиан, а ее кожа была содрана с тела устричными раковинами;

Бозций подвергся мучительным пыткам перед тем, как его забили до смерти по приказу остготского короля Теодориха;

Иоанн Скот Эриугена, великий ирландский философ, был предположительно забит до смерти своими английскими студентами;

Авиценна умер от передозировки опиума после слишком энергичного участия в сексуальных играх;

Фома Аквинский умер в 25 милях от места своего рождения после того, как ударился головой о сук дерева;

Пико делла Мирандола был отравлен своим секретарем;

Похожая судьба ждала Сигера Брабантского;

Уильям Оккамский умер от «черной смерти»;

Томас Мор был обезглавлен, а его голова выставлена на шесте на Лондонском мосту;

Джордано Бруно был сожжен заживо инквизицией на костре с кляпом во рту;

Галилео удалось избежать той же судьбы, однако он был приговорен к пожизненному домашнему аресту;

Бэкон умер после того, как занимался потрошением цыпленка снегом на улицах Лондона, изучая эффекты заморозки;

Декарт умер в Стокгольме от пневмонии, возникшей во время зимних утренних занятий с экстраординарной и склонной к трагедии королевой Кристиной;

Спиноза умер в съемном жилье в Гааге, пока все остальные жители были в церкви;

Лейбниц, дискредитированный обществом как атеист и забытый как общественный деятель, умер в одиночестве и был похоронен ночью. На похоронах присутствовал лишь один его друг;

Красивый и яркий философ Джон Толанд умер в Лондоне в такой бедности, что его могила не была отмечена никаким знаком;

Беркли, пылкий критик Толанда и других так называемых «свободных мыслителей», умер воскресным вечером во время поездки в Оксфорд, пока жена читала ему проповедь;

Монтескье умер в руках своей любовницы, оставив незаконченным труд по вопросу вкуса;

Атеист и материалист Ламетри умер от расстройства желудка, вызванного поеданием огромного объема паштета с трюфелями;

Руссо умер от массивного церебрального кровотечения, которое, возможно, было вызвано столкновением с немецким догом на улицах Парижа двумя годами ранее;

Дидро подавился абрикосом, доказав многим скептикам, что удовольствие можно получать буквально до последнего дыхания;

Кондорсе был убит якобинцами в самые кровавые годы Французской революции;

Юм мирно умер в своей кровати после того, как успешно парировал вопросы Босуэлла на тему атеистического отношения к смерти;

Последним словом Канта было «Suffi cit», «достаточно»;

Гегель умер во время эпидемии холеры, и его последними словами были «Меня понимал лишь один человек... да и то не полностью» (возможно, он имел в виду самого себя);

Бентам указал в завещании, чтобы его выпотрошили, а затем выставили на публичное обозрение в стеклянном ящике в Университетском колледже Лондона с целью максимально эффективного использования его личности;

Макса Штирнера укусило в шею летающее насекомое, после чего он умер от быстро развившейся лихорадки;

Могильный камень Кьеркегора лежит напротив могилы его отца;

Ницше медленно спускался в забвение, сопровождавшееся размягчением мозга, после известной истории с поцелуем лошади в Турине;

Мориц Шлик был убит психически нездоровым студентом – сторонником нацистской партии;

Витгенштейн умер на следующий день после своего дня рождения. Незадолго до этого его подруга миссис Беван подарила ему электрическое одеяло и пожелала долгих лет жизни. Витгенштейн ответил, пристально глядя на нее: «Никаких больше лет не будет»;

Симона Вейль уморила себя голодом в знак солидарности с оккупированной Францией в годы Второй мировой войны;

Эдит Штайн умерла в Освенциме;

Джованни Джентиле был казнен итальянскими партизанами-антифашистами;

Сартр сказал: «Смерть? Я о ней не думаю. Ей нет места в моей жизни». На его похоронах присутствовало 50 000 человек.

Мерло-Понти был, по слухам, найден мертвым в своем кабинете с лицом, закрытым книгой Декарта;

Ролан Барт умер в результате наезда грузовика после встречи с будущим министром культуры Франции;

Фредди Айер имел опыт максимального приближения к смерти и «встречи с властителями Вселенной» после того, как подавился куском лосося;

Жиль Делез выбросился из окна своей парижской квартиры, чтобы избежать страданий, связанных с эмфиземой;

Деррида умер от рака поджелудочной железы в том же возрасте, что и его отец (скончавшийся от той же болезни);

Мой учитель, Доминик Жанико, умер в одиночестве в августе 2002 года на пляже неподалеку от тропы Ницше на окраинах французской Ниццы после сердечного приступа, приключившегося во время купания.

Смерть ходит рядом и все время становится немного ближе. Забавно, не правда ли?

Мое собственное восприятие смерти ближе к Эпикуру и его знаменитым четырем постулатам: бог не страшен; смерть ощутить невозможно; то, что является подлинным благом, легко достигается; все, что есть зло, легко уничтожить. Он пишет в конце приписываемых ему четырех сохранившихся писем:

Привыкай думать, что смерть для нас – ничто: ведь все и хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений. Поэтому если держаться правильного знания, что смерть для нас – ничто, то смертность жизни станет для нас отрадна; не оттого, что к ней прибавится бесконечность времени, а оттого, что от нее отнимется жажда бессмертия.

Эпикурейская точка зрения на смерть имела огромное влияние в античные времена, как можно заметить у Лукреция, и была заново открыта философами типа Пьера Гассенди в XVII веке. Она представляет собой не похожую на другие и достаточно мощную часть традиции западной мысли, которой обычно уделяется недостаточно внимания и которая хорошо выражается словами: «Пока я есть, смерти нет. А когда будет смерть, меня не будет». Таким образом, нет смысла беспокоиться относительно смерти, а единственный способ достигнуть спокойствия души состоит в отказе от тревоги, связанной с жизнью после смерти.

Несмотря на всю свою заманчивость, очевидная проблема этой позиции состоит в том, что она не может ничего противопоставить одному аспекту смерти, с которым тяжелее всего справляться – не нашей собственной смерти, а смерти тех, кого мы любим. Именно смерть тех, с кем мы связаны узами любви, лишает нас сил и смысла, разрывая тщательно скроенную ткань личности. С моей точки зрения, как бы странно это ни звучало, мы становимся самими собой лишь в горе.

Иными словами, обладание самостоятельной личностью заключается не в каком-то мнимом самопознании, а в признании части нас самих, которая безвозвратно теряется. Главная сложность состоит в том, как представить себе, насколько мы можем оставаться довольными или спокойными в случае смерти любимых нами людей. Я не буду обещать, что могу ответить на этот вопрос, однако читатель заметит, что этот вопрос изучен и развит в некоторых из приведенных ниже статей.

Как писать про мертвых философов

Очевидно, что написание книги о том, как умирают философы, – это довольно странный вид досуга. Не менее странным может выглядеть и чтение такой книги. Однако это позволяет нам рассмотреть целый ряд вопросов о том, как должна писаться история философии и как должна пониматься философская деятельность.

Первая и неизбежная сложность, связанная с созданием истории философии, заключается в поиске отправной точки. Самые ранние версии истории философии были написаны учителем и его учеником – это первая книга «Метафизики» Аристотеля и «Об ощущениях» Теофраста. В обоих текстах философы развивали свои собственные точки зрения в отношении предшествовавших доктрин. С одной стороны, Аристотель великолепно описывает доктрины досократиков – философов, которых он называет *physiologi*, таких как Фалес, Анаксагор и Эмпедокл, и их взгляды на материальные причины природы.

С другой стороны, после этого он обращает критический взор на своего учителя – Платона и на воззрения пифагорейцев об идеальном состоянии природы. С помощью подхода, который впоследствии стал стандартным для философских споров, Аристотель изучает и интегрирует материалистический и идеалистический подходы и лишь затем вводит свое собственное определение субстанции, лежащей в основе того, что более поздняя традиция назвала «метафизикой».

Работа Теофраста наглядно демонстрирует бедность наших знаний о философской Античности. Труд Теофраста «О физических мнениях» состоял из 18 томов и был основным источником знаний о прошлом досократической мысли. Однако от него остался лишь один фрагмент труда «Об ощущениях», по которому можно представить себе, насколько подробно в этом труде обсуждалась природа чувств у Эмпедокла, Анаксагора, Демокрита и Платона.

Ситуация с остатками литературной традиции Античности печальна. Как мы знаем, архив древних текстов был во многом утрачен, к примеру, когда толпа разъяренных христиан разрушила величайшую библиотеку классического мира в Александрии в конце III века н. э. Все, что у нас осталось, – это лишь разрозненные фрагменты знаний, представить весь объем которых целиком вряд ли нам по силам. Это чем-то напоминает попытки представить себе все богатство Британской библиотеки, имея перед глазами сотню книг серии «Penguin Classics» в бумажных обложках.

В этой книге я уделяю больше внимания тому, что представители древней философии называли «доксографией», то есть описанию жизни философов, мнению об их принципах, и иногда – их смерти. Слово «doxa» может значить не только «мнение» (как в самом распространенном смысле), но и «репутация», то есть мнение об одном человеке, представленное другими. Вследствие высокой важности репутации (особенно посмертной) в греческой культуре понятие «doxa» может включать в себя «отличную репутацию» или даже «славу». Последнее является ключевой концепцией для греков, убежденных в том, что бессмертие человека заключается в известности его репутации, в историях, рассказываемых после его смерти.

Доксография, понимаемая в этом широком смысле – который, должен признаться, иногда кажется довольно странным, – может восприниматься как описание выдающихся репутаций философов, а доксографами могут считаться люди, создававшие биографии этих выдающихся фигур. И в этом плане концепция доксографии может считаться родственной концепции агиографии. Интересно наблюдать, насколько сильно описание жизни философов, от Сократа до Спинозы и от Юма до Витгенштейна, напоминает описание жизни святых. Основное различие состоит в том, что философы примечательны не своей святостью, а тем, каким образом они демонстрируют свои сильные стороны и слабости. Жизни философов зачастую вовсе не наполнены святостью, что и влечет нас к ним. Мы знаем о множестве

странностей в жизни философов: пристрастие Гоббса к игре в теннис и пению в спальне, любовь Канта к английскому сыру и его боязнь потоотделения, а также карбункулы Маркса.

В своей книге я хочу показать, что историю философии можно рассматривать как историю философов, сопровождаемую хорошо запоминающимися примерами – иногда благородными и добродетельными, а иногда приземленными и комичными. Как мы увидим ниже, то, как философы умирают, очеловечивает их и показывает, что, несмотря на все богатство интеллекта, им (как и всем нам) приходилось иметь дело с теми картами, которые сдает жизнь.

«Доксография» – это неологизм, созданный немецким ученым Германом Дильсом, чей монументальный синтез греческой философской биографии был опубликован на латыни в 1879 году под названием «*Doxographi Graeci*». Однако, по вполне достаточно условным историческим причинам, нашим главным проводником в «доксографическом» подходе к истории философии, особенно в отношении смертей философов, станет Диоген Лаэртский, живший в III в. н. э.

Как ни печально, но, несмотря на всю приятность и легкость для чтения его труда «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», он вряд ли может считаться достаточно точным, полным или философски острым. Диоген скорее ведет с нами легкий разговор, рассказывая весьма синкретические истории об Античности. Время от времени это становится невероятно увлекательным чтением. Его переводчик на английский язык Герберт Ричардс вполне справедливо замечает, что «он был весьма глуп», а Джонатан Барнс и Джулия Аннас описывают его жизнь как «болтливую и неразумную».

Также стоит отметить, что Диоген насытил свою книгу невероятно ужасными стихами, с которыми мы познакомимся чуть ниже. Однако, при всем этом, Ричардс говорит, что «книга обладает огромной ценностью для истории, в особенности литературной истории греческой философии». Я нахожу Диогена Лаэртского вполне приятной компанией, и мне скорее нравится то, каким образом он группирует факты, особенно ненадежные и скандальные (отчасти мой подход также можно местами считать скандальным). Помимо прочего, у Диогена приводится ряд прекрасных историй о смерти философов.

История Диогена Лаэртского начинается с рассказа о том, как философия впервые появилась у «варваров», таких как халдеи Вавилона и Ассирии, гимнософисты Индии, друиды, жившие среди кельтов и галлов, фракийцы (например, Орфей), зороастрийцы в Персии и египтяне. Однако он быстро переходит к утверждению о том, что расцвет философии произошел именно благодаря грекам и что именно «таким образом началась у эллинов философия, самое имя которой чуждо варварской речи».

Итак, философия говорит на греческом языке, а ее история начинается с Греции, то есть с Европы. Именно такая точка зрения стала стандартом в рассказе об истории философии, принижая роль не-греческих, не-европейских, «варварских» источников до так называемых «мудрых традиций», но не самой философии. С этой точки зрения идея сравнительной философии бесплодна, поскольку греческую философию сравнивать просто не с чем.

Подход Диогена Лаэртского развивал непоседливый англичанин Вальтер Бурлей (или Gualteri Burlaei) в своей книге «*Liber de vita et moribus philosophorum*» (Книга о жизни и нравах философов). Эта книга была, по всей видимости, написана в Италии или Южной Франции в 1340-х годах и оставалась стандартом в области истории философии на протяжении нескольких следующих столетий. Джон Пассмор вполне справедливо говорит о созданном

Бурлеем описании истории философии как «вольном и ненадежном», хотя и не лишенном интереса.

К примеру, в книге можно найти рассказы не только о Гермесе Трисмегисте, Эзопе и Заратустре, но и о Еврипиде, Софокле, Гиппократе и позднейших римских писателях типа Плавта, Вергилия и даже Овидия. Также Бурлей довольно забавным образом подчеркивает этническое происхождение большинства философов – «Thales, asianus» («Фалес, азиат»), «Hermes, egiptius» («Hermes» египтянин) – и указывает, какой иудейский царь занимал трон в годы их жизни.

Описание истории философии было продолжено Томасом Стэнли в 1687 году во впечатляющем трехтомнике «История философии», содержащем «жизнеописания, мнения, действия и рассуждения философов из каждой секты, иллюстрированные их изображениями». Стоит отметить, что эти «изображения» достаточно привлекательны. Книга наполнена крупными и героическими изображениями мертвых древних философов. Хотя предложенная Стэнли модель истории философии во многом основана на работах Диогена Лаэртского (он рассказывает только об античной истории), автор использовал ряд новых подходов. В частности, в книге имеется большая заключительная глава о «халдейской» философии, наполненная текстами и комментариями оракула Заратустры, а также множеством ремарок о персидских и сабейских философах.

Как ясно указывает сам Стэнли в посвящении своей книги, «я пользовался уроками премудрого Гассендиуса». Речь идет о труде Пьера Гассенди «De Vita et Moribus Epicuri» (Жизнь и мнения, или Привычки Эпикура (1647)), представляющем собой убедительную и масштабную (восемь книг) защиту эпикурейской философии против гнусности и искажений, которым она подвергалась со времен Зенона, стоиков, Цицерона, Плутарха, а также Отцов Церкви. Главный вопрос для Гассенди (который хочу задать и я сам) звучит не как «что такое философия?», а как «что такое философ?». А этот вопрос невозможно отделить от вопроса «как умирает философ?».

Согласно некоему Уильяму Энфилду из Норвича, «История» Стэнли написана в «неотесанном и туманном стиле». В чем бы ни заключалась истина, нет сомнений в том, что работа Стэнли находится в тени работы Якоба Брукера «Historia Critica Philosophiae» (Критическая история философии), опубликованной в Лейпциге между 1742 и 1767 годами и считавшейся основным авторитетным источником в области истории философии в XVIII веке. Эта работа была довольно вольно переведена на английский язык вышеупомянутым Энфилдом в 1791 году.

Самым удивительным в этой достаточно сжатой работе является рассмотрение широкого круга философских традиций и широкое обсуждение не только философии халдеев, персов, индусов и египтян, а также евреев, арабов, финикийцев, эфиопов, этрусков, «северных наций» типа скифов, фракийцев и кельтов (и даже британцев). (Интересно, что отличительная черта кельтов состояла в их отрицании смерти; Брукер пишет: «Нет людей выше их в великодушном презрении к смерти».)

Идея того, что философия была уникальным греческим источником и что все, что было до греков, просто нельзя считать философией, находит самое сильное выражение в современные времена в шеститомнике Дитриха Тидеманна «Geist der spekulativen Philosophie» (Дух теоретической философии, 1791–1797). Эта работа оказала огромное влияние на последующие труды по вопросу истории философии, и Джон Пассмор описывает ее как «первую историю философии, изложенную в современной манере». Во вступлении к книге Тидеманн совершенно четко дает понять, что не собирается возиться с «халдеями, персами и индусами» и что оценивает эти традиции как поэтические или религиозные, но уж точно не философские. В подходе Тидеманна также заметно, что доксографические элементы в истории философии сведены к минимуму, а основное внимание (как показывает

заглавие книги) уделяется теоретическому духу философии, который может быть выражен систематичным образом, а не физическому телу (мясу и костям) и жизни философа.

Такое пренебрежение к особенностям жизни философов связано с убеждением в том, что история философии способна на прогресс научного рода, или, как минимум, то, что различные философские взгляды могут быть выражены в научной форме, предполагающей логичное развитие. Эта идея находит свое выражение в книге Готтлиба Теннемана «Geschichte der Philosophie» (История философии, 1789–1819), в которой философия описывается как движение научного духа в сторону истины. Позволю себе заметить, что лично я сильно сомневаюсь в том, что дух философии можно отделить от тела философа, а также весьма скептически отношусь к идее, что философия способна к прогрессу научного рода.

Важно отметить, что и Тидеманн, и Теннеман сильно повлияли на Гегеля и его книгу «Лекции по истории философии» (1833–1836). С точки зрения Гегеля, мало что имеет меньшую значимость, чем знание того, как жил философ или в чем состояла природа его мнений, привычек или какова была его репутация. Философия определяется как «время, постигаемое в мысли». Тем самым, именно в философии выражается весь мир греков, жителей Средневековья и всех остальных. Более того, с точки зрения Гегеля, предыдущая история философии представляет собой, скорее, не историю ошибок, а последовательное раскрытие истины, которая находит свое полнейшее выражение – сюрприз! сюрприз! – в работе самого Гегеля.

Хотя предложенная Гегелем концепция истории была постоянным объектом атак, начиная с Маркса и Кьеркегора, она все равно представляет собой метод, по которому продолжает писаться история философии. Философия – это магистральное движение идей с востока на запад, от греков до «нас, европейцев» или «нас, американцев». Такое положение дел Джеффри Хартман назвал знаменитым выражением – «озападниванием духа (westerling of spirit)». Мы похожи на греков, но, в каком-то смысле, выглядим более толковыми – ведь мы обладаем такими интеллектуальными драгоценностями, как самосознание, правильная логика и эмпирическая наука. Философия не выглядит как сборник различных традиций, а имеет нетронутый и уникальный греческий – то есть европейский – источник.

Было бы преуменьшением сказать, что эта версия истории философии оправдала и продолжает оправдывать своеобразный европоцентризм. То, в какой степени европоцентризм оправдан или нет в отношении философии – важный вопрос, и я хочу в этой книге прямо к нему обратиться. Позвольте мне, однако, сказать, что я скептически отношусь и к европоцентрическому подходу к философии и к попыткам критиковать привилегии греческой философии и считать, что истинный источник философии лежит в Персии, Индии или Китае (то есть в Азии), или в Египте (то есть в Африке). Философия не имеет подлинного источника и в значительной степени рассказ о жизни и смерти философов как раз и позволяет понять, что это дело довольно запутанно и разнообразно, как в фактической, так и в географической плоскости.

Книга мертвых философов – это, скорее, история философов, а не история философии. Это история о том, как многие смертные, материальные и ограниченные создания встречали последние минуты своей жизни, с достоинством или в бреду, с благородством или обливаясь потом от страха. Таким образом, мой подход можно считать совершенно отличным от подхода Гегеля. Я не воспринимаю историю философии как последовательное и логичное раскрытие «Духа», кульминация которого возникает в судьбе западной философии нынешнего времени. При таком подходе факты из жизни самих философов считаются неуместными. Мне представляется, что подобная концепция философии слишком нарциссична: согласно ей, единственная функция истории состоит в том, чтобы держать зеркало, позволяющее нам видеть отражение самих себя и нашего собственного мира.

Я же надеюсь показать, каким образом материальное качество множества жизней и смертей, о которых мы узнаем, препятствует движению в сторону «Духа» и ставит под сомнение четкий и определенный способ занятий философией. В этом смысле можно легко заметить что-то крайне высокомерное, даже пренебрежительное в том, как философ зачастую относится к жизни и смерти других философов. В курсе своих лекций об Аристотеле, прочитанном в 1924 году, Хайдеггер сказал: «Личность философа представляет лишь ограниченный интерес – он родился в такое-то время, работал, а потом и умер».

Эти слова демонстрируют олимпийское, почти божественное спокойствие в отношении философии и жизни. Подобная позиция не желает, а, может быть, и не может, рассматривать философа как создание, подверженное «всем болезням тела». В моем представлении, философ, относящийся с пренебрежением к жизням и смерти других философов, враждебен их (и своей собственной) индивидуальности, материальности и смертности. Такое отношение приводит – как в случае Гегеля и Хайдеггера – к триумфальной и превозносящей саму себя версии истории философии, которая в конечном итоге уродует прошлое.

В этой книге я представил довольно суматошный и разнообразный набор жизней и смертей, которые просто невозможно выстроить в единую концептуальную схему. Я надеюсь, что, глядя на все эти смерти, мы увидим не только свое собственное отражение, тянущееся нам навстречу, но и что-то на нас не похожее, далекое и отстраненное, но позволяющее чему-то научиться. Теперь же пришло время начать.

190 (или около того) мертвых философов

Досократики, физиологи, мудрецы и софисты

Философская мысль возникла в мире, говорившем на греческом языке, примерно два с половиной тысячелетия назад. Прежде всего, это были различные мудрецы и так называемые «физиологи» типа Фалеса и Анаксагора, предпринявшие попытку объяснить истоки Вселенной и причины природных явлений. Кроме того, иногда мы обращаемся к довольно таинственным фигурам Пифагора, Гераклита и Эмпедокла, определявшим мир научной мысли до рождения Сократа, а также к борьбе между философией и софистикой в Афинах во время классического периода (V–IV вв. до н. э.).

Разумеется, с некоторой долей справедливости можно было бы утверждать, что первым философом была Сфинкс, а Эдип – вторым. Иными словами, родоначальником философии выступает существо женского пола, а продолжает ее дело отцеубийца-кровосмеситель. Сфинкс задает своим гостям вопрос, одновременно являющийся загадкой, а, может быть, даже и шуткой: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?» Если гости дают неверный ответ, она их убивает. Более того, когда Эдип угадывает правильный ответ на загадку – человек ползет на четырех ногах в младенчестве, ходит на

двух во взрослом возрасте и опирается на палку в старости, – Сфинкс совершает поистине философское самоубийство, бросаясь на землю со своей высокой горы.

Фалес

(акме приходится на VI век до н. э.)

Фалес был родом из когда-то богатого порта Милет, находившегося рядом с побережьем современной Турции. Гавань города высохла задолго до рождения философа из-за постоянного притока ила.

Не исключено, что именно Фалес был автором известного выражения «познай себя». Он предсказал солнечное затмение в мае 585 г. до н. э. Он верил, что вода представляет собой универсальную субстанцию. Как-то раз фракийская девушка позвала его посмотреть на звезды. Засмотревшись на них, он упал в колодезь. Услышав его крики, девушка сказала: «Что же, Фалес? Ты не видишь того, что под ногами, а надеешься познать то, что в небесах?» Некоторые полагают, возможно, небезосновательно, что с этой проблемой философия так и не смогла полностью справиться в следующие два с половиной тысячелетия.

Фалес умер в солидном возрасте от жары, жажды и общей слабости во время наблюдения за атлетическим состязанием. Этот факт вдохновил Диогена Лаэртция на следующее отвратительное стихотворение:

As Thales watched the games one festal day
The fierce sun smote him and he passed away.

Смотрел Фалес на игры как-то днем,

И солнце враз сожгло его огнем.

Солон

(630–560 до н. э.)

Солон был знаменитым афинским законодателем, отменившим кровавые законы Дракона (хотя имя именно Дракона стало нарицательным). Плутарх отмечает, что Солон предлагал невестам грызть айву перед тем, как ложиться в постель. Причина этого осталась неясной. Когда Солон спросили, почему он не составил закона против отцеубийства, тот ответил, что он надеялся на то, что такой закон не понадобится. Он умер на Кипре в возрасте восьмидесяти лет.

Хилон

(акме в VI веке до н. э.)

Спартанец, которому также приписывается авторство фразы «Познай себя». Он умер, поздравляя своего сына с победой в кулачном бою на Олимпийских играх.

Периандр

(628–588 до н. э.)

Как и Фалес, Солон и Хилон, Периандр Коринфский считался одним из «Семи мудрецов» Греции. Некоторые, например Аристотель, считали его обычным тираном. Известна довольно странная история о том, насколько сложным путем пошел Периандр, чтобы скрыть место своего захоронения: он приказал двум молодым людям встретить в условленном месте третьего, убить его и похоронить. Затем он приказал еще четырем мужчинам найти первых двух, чтобы убить их и похоронить. После этого он приказал еще большей по размеру группе людей найти этих четырех и сделать то же самое. Закончив все приготовления, Периандр вышел в условленное место и стал ждать двух первых молодых людей, для которых он сам был искомым третьим.

Эпименид

**(возможно, акме приходится на VI век,
возможно, был мифической фигурой)**

Уроженец Крита, места действия знаменитого «парадокса Эпименида». Оригинальное утверждение Эпименида звучало так: «Критяне всегда лгут». Судя по всему, он имел в виду буквальный смысл фразы, поскольку великий критянин лгал в своем убеждении о смертности Зевса, хотя каждый здравомыслящий человек знает, что на самом деле он бессмертен. Однако в формальной логике этот парадокс может приобретать более острую форму. Рассмотрим утверждение: «Это заявление – неправда». Можно ли считать это заявление истинным? Если да, то оно ложно, и наоборот. Это идеальный пример парадокса, то есть предположение, истинность которого ведет к противоречию, равно как и отрицание его истинности.

Известна легенда, по которой Эпименид был отправлен отцом в деревню, чтобы присматривать за овцами. Но вместо этого он заснул в пещере на целых 57 лет. Проснувшись, он отправился на поиски овец, уверенный, что вздремнул лишь ненадолго. Когда он вернулся домой, все изменилось (что неудивительно), а у фермы его отца оказался новый владелец. Со временем он нашел своего старшего брата, ставшего стариком, и узнал правду.

Эпименид обладал значительной славой; считалось даже, что у него был дар пророчества. Диоген рассказывает, как афиняне послали за ним, когда город страдал от чумы. Он взял с собой сову и отправился на Ареопаг, высокую скалу в центре Афин. Там он приказал принести жертву в каждом месте, где овца решалась прилечь. Говорят, что именно таким образом Афины избавились от эпидемии.

Согласно мнению Флегона, приведенному в труде «О долголетьи», Эпименид дожил до 157 лет (включая срок сна в пещере). Критяне утверждают, что он прожил до 259 лет. Но, как мы все знаем, критяне всегда лгут.

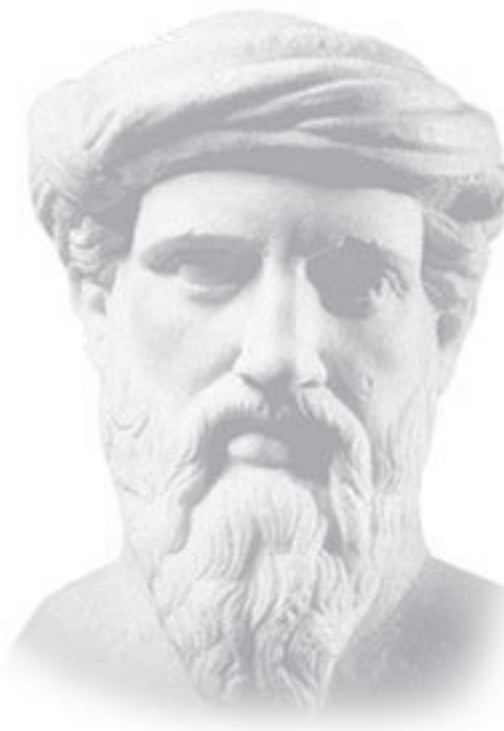
Анаксимандр

(610–546/545 до н. э.)

Анаксимандр довольно туманно говорит о том, что исходным материалом для всего сущего служило бесконечное и универсальное начало (апейрон). Свою собственную границу он обнаружил в возрасте 64 лет.

Пифагор

(580–500 до н. э.)

Печально, но в наше время почти все классические ученые соглашаются с тем, что Пифагор никогда не существовал. Судя по всему, в Южной Италии была группа людей под названием пифагорейцев, которые изобрели «создателя» их убеждений, который, соответственно, жил и умер в соответствии с этими убеждениями. Но давайте не позволим возможному факту несуществования Пифагора удерживать нас от рассказа, поскольку окружающие его истории невероятно убедительны. Они также иллюстрируют более распространенную точку зрения, согласно которой ученики мыслителя часто изобретают истории и анекдоты о жизни мастера, которым хотят верить сами. Возможно, нам стоит относиться к такого рода идеям с необходимой осторожностью.

Как бы то ни было, пифагорейские доктрины были окружены завесой секретности, поэтому мы знаем крайне мало о версиях, существовавших до описанных Платоном. К ним

относятся вера в бессмертие и в переселение душ, а также убеждение в том, что в основе реальности вселенной лежат числа.

Пифагорейцы считали четные числа женскими, а нечетные – мужскими. Цифра 5 называлась «брак», поскольку представляла собой результат сложения первого четного (2) и первого нечетного (3) числа (древние греки не считали единицу цифрой, поскольку она не выражала множественности).

Пифагорейцы также верили, что их мастер сформулировал соотношения, лежащие в основе музыки. Это оказало огромное влияние на возникновение понятия *musica universalis* или «музыки сфер» – весь космос представляет собой выражение музыкальной гармонии, основа которой кроется в математике.

Однако пифагорейцы имели также и множество более мирских доктрин, в частности, связанных с едой. Они воздерживались от употребления мяса и рыбы. По какой-то странной причине им особенно запрещалось есть барабульку, а Плутарх отмечает, что у них существовал запрет и на употребление яиц. Пифагор и его последователи унаследовали от египтян сильное отвращение к бобам, из-за того, что те слишком напоминали гениталии. По всей видимости, слово «бобы» использовалось как жаргонное обозначение для «яичек». Однако у неприязни к бобам может иметься множество других возможных причин.

В книге *Philosophumena* [*Philosophizings*] или «Опровержение всех ересей», написанной христианским епископом Ипполитом примерно в 220 году н. э., приводится масса интересных деталей. По его словам, если бобы разжевать и оставить на солнце, от них не будет исходить запах, напоминающий запах мужского семени. Хуже того, если завернуть боб в цветы и закопать, а через несколько дней выкопать, то «мы увидим, что он сначала примет форму женской *rudenda* (наружных половых органов), а затем, при тщательном изучении, заметим, как из него растет голова ребенка». Разумеется, как знают многие из нас на собственном печальном опыте, бобов следует избегать, поскольку они приводят к ужасному метеоризму. Как ни странно, но, по слухам, именно из-за бобов Пифагор встретил свою смерть. Впрочем, не будем торопить события.

Как гласит легенда, Пифагор оставил свой родной Самос, остров в Ионическом море, из-за неприязни к политике тирана Поликрата. Вместе со своими последователями он отправился в Кротон в южной Италии, где начал оказывать огромное влияние на жителей региона, известного в наши дни под названием Калабрия. Порфирий в своей работе «Жизнь Пифагора» рассказывает о том, как некий Кайло, богатый и влиятельный местный житель, почувствовал себя ущемленным из-за того, как к нему относился Пифагор.

В итоге Кайло со своей свитой сжег дом, в котором собирался Пифагор со своими последователями. Учитель смог спастись только потому, что его последователи накрыли огонь своими телами. Он добрался до поля, засеянного бобами, где остановился и заявил о том, что предпочтет быть убитым, чем пойдет по полю. Это позволило преследователям догнать его и перерезать ему горло.

Существует и еще одна история, приписываемая Ермиппу, согласно которой, когда города Агригент и Сиракузы оказались в состоянии войны, пифагорейцы примкнули к жителям Агригента. Как ни странно, но, по этой легенде, Пифагор был убит сиракузцами во время попытки обойти поле, опять-таки засеянное бобами, а 25 его последователей сгорели в результате предательства.

Диоген Лаэртский посвящает этому инциденту чуть ли не самые свои худшие стихи, начинающиеся так: «Горе, горе! Зачем, Пифагор, ты бобам поклонялся?» Прекрасный сатирик II века Лукиан описывает диалог Пифагора в Гадесе с киником Мениппом, в котором Пифагор пристаёт к Мениппу с просьбами дать ему что-нибудь поесть.

Пифагор. А покажи-ка, нет ли у тебя в мешке чего-нибудь поесть.

Менипп. Бобы, дорогой мой; тебе этого есть нельзя.

Пифагор. Давай! У мертвых учение другое.

Тимиха

(даты жизни неизвестны, IV век до н. э.)

Вполне простительно считать, что история философии напоминает мужской клуб. В этой книге я, по возможности, постараюсь внести необходимые корректировки. Стоит отметить, что в 1690 году французский ученый Жиль Менаж написал книгу *Historia Mulierum Philosopharum* (История женщин-философов).

Менаж – порой вполне объективно – описывает 65 женщин-философов. Вне всякого сомнения, больше всего в Древнем мире женщин-философов привлекала пифагорейская школа. В нее входили Фемистокля, Теаон и Мийа – сестра, жена и дочь Пифагора соответственно. Однако мне кажется, что пока что тема бобов еще не раскрыта до конца. И это заставляет нас вспомнить о Тимихе и истории, рассказанной Ямвлихом в «Жизни Пифагора». После разгрома пифагорейского общества сицилийским тираном Дионисием Тимиха и ее муж Миллий были захвачены в плен и подверглись пыткам. Целью допроса было получить ответ на вопрос, почему пифагорейцы предпочитают умирать, а не питаться бобами. Тимиха была беременна, а Дионисий угрожал ей пытками. Перед своей смертью Тимиха откусила кончик своего языка и плюнула им в лицо тирана, боясь, что иначе сможет выдать секреты пифагорейской секты.

Гераклит

(540–480 до н. э.)

Традиционно Гераклит известен нам как «плачущий (или темный) философ». По мнению Плутарха, он страдал от тяжелых болезней. От его работ до нас дошло всего 139 фрагментов. Некоторые из них производят такое же мрачное впечатление: «Кажется, будто души источают запах Аида». Другие же представляют собой выражение его взглядов на относительность суждений, например: «Ослы золоту предпочли бы солому» и «Свиньи грязи радуются, птицы в пыли или в золе купаются».

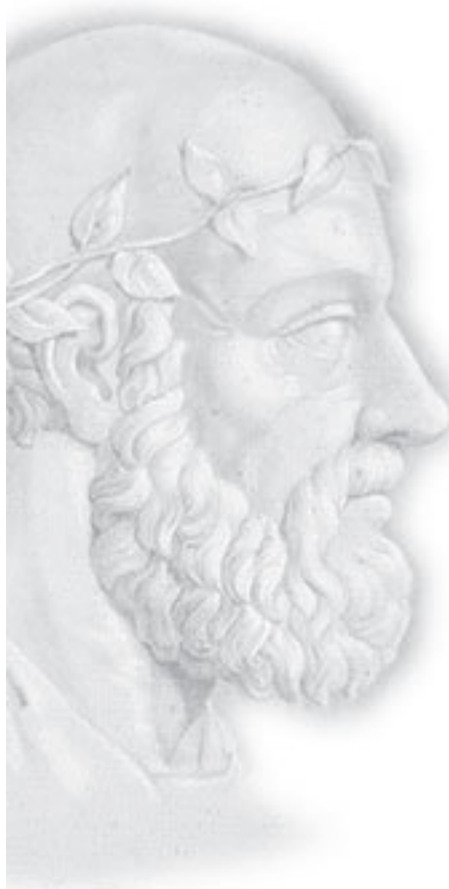
Причиной слез Гераклита было человеческое поведение, в особенности поведение других жителей Эфеса. Согласно первому из найденных фрагментов его трудов, все люди должны следовать *логосу*, то есть закону, принципу или причине существования Вселенной. Однако подавляющее число людей ведет себя так, будто они спят, и сознают свои действия не больше, чем поедающие солому ослы.

Гераклит настолько возненавидел человечество, что начал скитаться в горах и перешел на диету из трав и растений (о бобах ничего не упоминается). К сожалению, в результате недоедания у него развилась водянка, и он вернулся в город за спасением. И именно лекарство послужило причиной его гибели, поскольку он посчитал, что сможет выздороветь, если его обмажут коровьим навозом. Дальше у истории смерти Гераклита есть две версии. Судя по всему, он верил, что это позволит извлечь из его тела плохие жидкости и высушит водянку. Согласно первой истории, навоз оказывается мокрым, и плачущий философ в нем тонет. Согласно второй, навоз высыхает, и Гераклит зажаривается в нем заживо на ионическом солнце.

(Есть и третья история, рассказанная Диогеном Лаэртским, согласно которой друзья Гераклита не смогли очистить его тело от коровьего навоза и, вследствие своей неузнаваемости, он был съеден собаками. Это вполне подтверждает правильность мысли, высказанной во фрагменте 97: «Собаки лают на тех, кого они не знают». К сожалению, они еще и кусаются.)

Эсхил

(525/524–456/455 до н. э.)

Эсхила обычно не воспринимают как философа, хотя многие из его дошедших до нас пьес наполнены высокой мудростью о том, как смертные должны (руководствуясь рефреном из «Орестей») «страдать в истине». В уцелевшем фрагменте пьесы «Ниобея» Эсхил пишет:

Среди богов лишь Смерть не жалуется подарки,
Не помогает вам ни возлияние, ни жертва.
У ней нет алтаря, она не слышит гимнов;
Лишь убеждение для нее весомым будет.

Эсхил доблестно сражался против персов в битвах при Марафоне и Саламине, и его воинские подвиги были с гордостью упомянуты в эпитафии, размещенной на его могильной

плите. Однако именно этот могильный камень стал, по всей видимости, источником забавной, но апокрифической истории его смерти.

Считается, что Эсхил был убит, когда орел уронил живую черепаху на его лысую голову, ошибочно приняв ее за камень. По всей видимости, великий трагик был изображен на своем могильном камне упавшим, а орел – птица Аполлона – уносила на небо его душу в форме лиры. Однако лира напоминает черепаховый панцирь (а возможно, в те времена и делалась из него). Судя по всему, некто, не разбиравшийся в иконографии, ошибочно принял «орла, уносящего на небо душу поэта в форме лиры», за «орла, роняющего черепаху на голову спящего поэта, что приводит к гибели обоих участников столкновения».

Анаксагор

(500–428 до н. э.)

Ученик Анаксимена Анаксагор полагал, что воздух представляет собой универсальную, ничем не ограниченную субстанцию, благодаря которой мы и существуем.

Он предложил считать движущей силой вселенной так называемый «мировой ум», или «нус», и советовал согражданам из Милета заниматься изучением Луны, Солнца и звезд. Когда кто-то спросил его: «Разве вас не заботит ваша родина?», он ответил: «Меня очень беспокоит моя родина» – и указал при этом на звезды.

Анаксагор был изгнан из Милета после суда, на котором его обвинили в авторстве оскорбительной теории о том, что солнце представляет собой массу из раскаленного металла. Он умер в изгнании и, согласно Плутарху, попросил, чтобы в день его смерти для детей устроили выходной от учебы.

Парменид

(515–? до н. э.)

Парменид, по всей видимости, в юности был пифагорейцем, а затем – одним из основателей элейской школы. О его жизни известно крайне мало, а о смерти – и того меньше, хотя он играет важную роль в знаменитом диалоге Платона с молодым на тот момент Сократом. На самом деле нам неизвестно, встречались ли Сократ и Парменид в реальной жизни. Суть его метафизики заключается в различии между бытием, «имеющим форму шара», и небытием, которое, видимо, шаром не выглядит. У нас нет никаких данных о том, как именно Парменид перешел из одного состояния в другое.

Зенон Элейский

(495–430 до н. э.)

Зенон был автором утерянной впоследствии книги «*Epicheirêmata*» (*Атаки*), написанной в защиту своего учителя Парменида. Он защищал доктрины Парменида совершенно

уникальным образом – он брал обратное утверждение и показывал, как оно приводит к неразрешимым парадоксам.

К примеру, Зенон выступает против движения, говоря, что если некий объект движется, то он должен двигаться либо в место, где оно есть, либо в место, где его нет. С учетом того, что второе невозможно, поскольку ни одна вещь не может находиться или подвергаться воздействию там, где ее нет, она должна быть там, где она есть. Следовательно, все вещи находятся в состоянии покоя, а движение – это иллюзия.

Этот аргумент против движения находит дальнейшее выражение в знаменитых парадоксах (апориях) – о стреле, а также об Ахиллесе и черепахе. Стрела, которая кажется летящей, на самом деле находится в состоянии покоя, поскольку все, что занимает пространство, равное себе, должно находиться в состоянии покоя в этом пространстве. С учетом того, что стрела может занимать лишь место, равное себе, в каждый момент полета она считается недвижущейся.

Аналогичным образом, если быстрый Ахиллес даст медленной черепахе фору во время гонки, он никогда не сможет ее догнать. Почему? По простой причине, что к тому моменту, когда Ахиллес доберется до места, с которого начала черепаха, та уже продвинется больше. Когда он преодолеет и это расстояние, черепаха снова продвинется вперед, и так до бесконечности. Аристотель с особым удовольствием разбирал эти парадоксы в своей книге «Физика». Существует также история о том, что когда киник Диоген услышал, что кто-то заявил о невозможности движения, то просто встал и прошелся по комнате.

Смерть Зенона была героической и драматической. Он был вовлечен в заговор, направленный на свержение тирана Неарха, но заговор был раскрыт, а Зенон арестован. Во время допроса Зенон сообщил, что может рассказать тирану кое-что про некоторых людей, но только на ухо. Когда Неарх приблизился, Зенон ухватился зубами за ухо тирана и не отпускал его, пока не умер от побоев (Деметрий Магнесийский в своей книге *«О соименных авторах»* заявляет, что Зенон вцепился не в ухо, а в нос тирана).

Эмпедокл

(490–430 до н. э.)

Пожалуй, среди досократиков не было более любопытной и привлекательной фигуры, чем Эмпедокл. И уж точно ни у кого из них не было столь примечательного конца. Как пишет Плутарх, этот человек оставил философию в состоянии дикого возбуждения. Существует масса историй о превращении Эмпедокла в бога. Он написал две длинные и не дошедшие до нас целиком поэмы, «О природе» и «Искупление», а самого себя описывал как «бессмертного бога, более не простого смертного». Диоген описывал его как носящего пурпурное королевское одеяние, золотой пояс, бронзовые сандалии и дельфийский лавровый венок.

У него были густые волосы, он постоянно ходил в сопровождении слуг и мальчиков-ассистентов. В Эмпедокле одновременно было что-то и от мага, и от шарлатана. При этом он всегда воспринимался как политический радикал и ассоциировался с демократией. Известна история о том, как он убедил горожан сицилийского города Агригента покончить с фракционностью и развивать равенство в политике.

В одном из сохранившихся фрагментов творчества Эмпедокла он обращается к смерти как к «великому мстителю». Существует легенда о том, что он мог в течение 30 дней подержать жизнь в женщине, не дышавшей и не имевшей пульса. Согласно Аэцию, Эмпедокл верил, что сон возникает вследствие охлаждения крови и что смерть наступает, когда тепло полностью покидает тело. Соответственно, если тепло – это двигатель жизни, то Эмпедокл

рассчитывал обрести бессмертие в вулканическом огне. Поэтому, как гласит легенда, он бросился в кратер вулкана Этна, чтобы доказать свое небесное происхождение. Однако правда открылась, когда одна из его бронзовых сандалий была выброшена наружу языками пламени и впоследствии найдена на склоне горы.

Существуют и другие, менее восторженные версии смерти Эмпедокла. Согласно одной из них, он покинул Сицилию, отправился в Грецию, а назад уже не вернулся. Говорят, что он сломал бедро по пути на праздник и умер от последствий этого перелома. Говорят также, что он упал в море и утонул вследствие своего преклонного возраста. Примерно через 22 века после его жизни на волне энтузиазма, а затем и разочарования, последовавшего за Французской революцией, присущая Эмпедоклу комбинация мистического высокомерия и политического радикализма вдохновила великого немецкого философа и поэта Фридриха Гёльдерлина на написание в конце 1790-х годов драмы в стихах *«Смерть Эмпедокла»*. Эта совершенно потрясающая современная трагедия не была завершена и оценена по достоинству. Гёльдерлин называет Эмпедокла «человеком, которого напоили боги» и явным образом идентифицирует его с религиозным реформатором и политическим революционером. Гёльдерлин называет его смерть «высочайшим огнем» и воспринимает ее как жертву, принесенную природе, и принятие силы, более мощной, чем человеческая свобода, – судьбы.

Эмпедокл всегда описывался могучим и величественным, и это послужило объектом для насмешек Лукиана в *«Разговорах в царстве мертвых»*, который изображает его в Гадесе «пришедшим из Этны наполовину изжаренным». В ответ на вопрос киника Мениппа, что заставило его прыгнуть в кратер, Эмпедокл отвечает: «Меланхолия, Менипп». Менипп же возражает:

Нет, не меланхолия, а пустая жажда славы, сомнение, да и глупости немало: все это тебя и обуглило вместе с твоими сандалиями. Та к тебе и надо!

(Безотносительно к Пифагору, но продолжая тему бобов, скажем, что фрагмент трудов Эмпедокла номер 141 гласит: «О злополучные! бойтесь к бобам прикасаться руками».)

Архелай

(даты жизни неизвестны, возможно, родился в начале V века до н. э.)

Архелай был учеником Анаксагора и учителем Сократа. Обычно его принято считать связующим звеном между ионической натурфилософией и афинским этическим мышлением. Причина его смерти неизвестна, а его работы были утрачены полностью, за исключением единственной фразы: «Холод все связывает».

Протагор

(485–410 до н. э.)

Протагор был первым и величайшим из софистов, с которыми мы встретились во введении, хотя можно было бы посчитать, что настоящим отцом софистики был хитрый и гладко говорящий Одиссей. Платон посвящает Протагору диалог, в котором тот предстает в более благовидном свете, чем многие другие противники Сократа. Он произнес знаменитую фразу

«человек есть мера всех вещей», а также был автором агностического выражения о природе богов: «О богах невозможно сказать, ни что они существуют, ни что их не существует». Протагор также был первым, кто начал брать деньги за обучение красноречию и нежной науке убеждения.

В книге *«Жизнеописания софистов»*, написанной в начале III века, Филострат утверждает, что мы не должны критиковать Протагора за то, что он брал деньги, «поскольку то, за что мы платим деньги, мы ценим гораздо сильнее, чем то, что достается нам бесплатно». Филострат знал, о чем говорил, поскольку сам принадлежал к числу софистов и наслаждался значительным материальным достатком благодаря покровительству интеллектуально развитой императрицы Юлии Домны, происходившей из Сирии (кстати, она сама была крайне интересной фигурой – женой римского императора Септимия Севера; Филострат называет ее «Юлия-философ»). После смерти Севера во время военной кампании в Британии Юлия стала крайне влиятельной фигурой благодаря своим сыновьям Каракалле и Гете. Говорят, что Каракалла убил Гету на руках своей матери и что Юлия заморила себя до смерти после того, как Каракалла, в свою очередь, был убит в 217 году).

Протагору приписывается множество работ, в том числе *«О речи в судах за плату, две книги противоположных аргументов»*. Живой пример высказывания противоположных аргументов в денежном споре можно найти в историческом анекдоте: когда Протагор попросил своего ученика Эватла заплатить ему в ходе судебного разбирательства, тот ответил: «Но я еще не выиграл дело». На это Протагор сказал: «Если я выиграю это дело против тебя, то должен получить деньги за победу. Если выиграешь ты, то я получу деньги за то, что тебя обучал».

По всей видимости, Протагор утонул в результате кораблекрушения после того, как был осужден и сослан (по некоторым версиям, приговорен к смертной казни) за свои агностические религиозные убеждения. Он также известен тем, что написал трактат о кулачной борьбе.

Демокрит

(460–370 до н. э.)

Некоторые называют его «принцем философов». Тем не менее Платон ни разу не упоминает его и, по некоторым живущим до сих пор слухам, он даже хотел сжечь книги Демокрита. К большому сожалению, желание Платона исполнил сам ход истории и связанные с ним бедствия, вследствие чего до нас дошло крайне мало работ Демокрита.

Начиная со времен Цицерона и Горация, Демокрита принято называть «смеющимся философом» (в противовес «плачущему» Гераклиту), и эти два философа часто изображаются вместе в средневековой иконографии. Роберт Бертон в своей огромной книге *«Анатомия меланхолии»* (1621) шутливо называет себя «Демокритом-младшим». Демокрит был учеником таинственного Левкиппа (ни одна из работ которого не сохранилась) и одним из отцов греческой атомистики, представляющей собой полностью материалистическое объяснение физического мира с точки зрения организации атомов в пространстве. Собаки, коты, крысы и зиккураты представляют собой всего лишь различные порядки распределения атомов — эта теория во многом лежит в основе взглядов в современном научном мире.

Демокрит пишет: «Глупцы хотят дожить до старости, потому что боятся смерти». И хотя сам Демокрит не был глупцом, он умер в возрасте 109 лет, и то, как он умер, показывает его как решительного человека. Когда стало ясно, что его жизнь приближается к концу, его сестра начала испытывать огромное беспокойство, поскольку боялась, что брат может умереть во время праздника Тесмофории, а это не даст ей воздать этой богине должное уважение.

Демокрит совершил, на первый взгляд, странный поступок – он приказал принести в свой дом множество горячих буханок хлеба. Прикладывая хлеб к ноздрям, он умудрился, каким-то образом, отложить свою смерть.

Лукреций рассказывает иную историю: когда Демокрит достиг глубокой старости и понял, что «интеллект начинает от него утекать», он благородно совершил самоубийство.

Продик

(точные даты жизни неизвестны, родился до 460 года до н. э.)

В Античности долго жила шутка о том, что Продик, жадный до денег софист, начал предлагать свои лекции по семантике за одну или 50 драхм. В известном диалоге Платона под названием «Кратил» Сократ насмешливо говорит, что если бы смог позволить себе лекцию за 50 драхм, то понял бы всю *«точность названий»*, но ему пришлось довольствоваться усеченной версией за 1 драхму. Хотя мы не знаем даты смерти Продика, известно, что он был жив во время суда над Сократом и его казни. Конец его был почти таким же: согласно легенде, Продик был приговорен к смерти афинянами по обвинению в развращении незрелых умов. Единственный сохранившийся фрагмент его трудов гласит: «Самое хорошее молоко – это то, которое дает нам самка».

Платоники, киренаики, последователи Аристотеля и киники

Платон

(428/427–348/347 до н. э.)

Говорят, Платона никогда не видели смеющимся (так же, как Пифагора, Анаксагора, Христа и Деву Марию). При этом Ницше утверждает, что Платон обычно ложился спать с томиком работ Аристофана, великого комического поэта. Но на самом деле, невзирая на все колоссальное значение Платона для философии, мы сравнительно мало знаем о его жизни, и у нас нет никакой достоверной информации о его смерти.

Платон упоминает самого себя лишь пару раз в двух десятках своих диалогов, и говорил о том, что он присутствовал на суде над Сократом, но не был рядом с ним в момент его смерти.

Ксенофонт, много писавший о Сократе, упоминает Платона лишь однажды, а Демосфен говорит о нем дважды, и то мимоходом. Существует, однако, довольно спорная история, рассказанная Апулеем, о том, что Сократ увидел во сне молодого и неопытного лебедя, сидевшего у него на колене, а затем вдруг расправившего крылья, полетевшего высоко в небо и запевшего прекрасные песни. На следующий день отец новорожденного Платона показал его Сократу, а тот сказал: «Я уже видел этого лебедя во сне».

В своем знаменитом «Седьмом письме» Платон немного рассказывает о своей жизни. К сожалению, именно это письмо чаще всего считается в среде ученых-классиков подделкой. Платон пишет о начале своей карьеры и первых двух путешествиях в Сицилию по приглашению тирана Дионисия Старшего. Всего он совершил в Сицилию три поездки, прежде

чем полностью разочаровался в политике. Через несколько веков после смерти Платона была популярной история о том, что Дионисий оценил усилия Платона тем, что продал его в рабство, и Платон спасся только благодаря тому, что за него заплатил выкуп философ-киренаик Анникерид. Св. Иероним писал, что Платон был захвачен пиратами и продан в рабство, однако, «будучи философом, он оказался более великим, чем купивший его человек».

Что еще мы знаем? В год казни Сократа Платону исполнился 31 год. Он никогда не женился. По словам Плутарха, много сделавшего для популяризации идей Платона, тот любил инжир. В сущности, мы даже не знаем, почему его звали «Платон» (по-гречески это значит «широкий» и может быть связано с его хорошо развитой мускулатурой и историями о его успешном участии в кулачных боях).

По словам Цицерона, Платон умер за своим рабочим столом. Однако, согласно Еремиппу, он умер на свадебном пиршестве в возрасте 81 года и был похоронен в земле Академии. Платоник времен Ренессанса Фичино добавляет, что Платон умер в день своего рождения и что число 81 имеет важнейшее значение, поскольку является идеальным – оно представляет собой произведение 9 на 9. Есть и другая версия о том, что он умер от педикулеза. Хотя, как пишет Томас Стэнли в своей *«Истории философии»* (1687), люди, распространявшие столь неприятные истории о Платоне, «нанесли ему немало вреда».

Спевсипп

(дата рождения неизвестна, умер в 339/338 до н. э.)

Племянник Платона и его преемник на посту главы Академии (изначально располагавшейся в оливковом саду за границами старой части Афин, где Платон рассказывал о философии всем, кому это было интересно). Спевсипп совершил самоубийство вследствие тяжелой парализующей болезни.

Ксенократ

(дата рождения неизвестна, умер в 314 до н. э.)

Ученик Платона и преемник Спевсиппа. Он умер в возрасте 82 лет после того, как споткнулся ночью о неизвестный предмет бронзовой посуды и упал.

Аркесилай

(316/315–241 до н. э.)

Создатель того, что впоследствии стало известно как «Средняя Академия», придал школе скептическое направление, при этом сам не оставил после себя никаких трудов. Аркесилай отказывался признавать или отрицать возможность уверенности в чем-либо, защищал идею повсеместного воздержания от суждения (*epoché*). Он умер вследствие частого употребления больших объемов неразбавленного водой вина.

Карнеад

(214?–129? до н. э.)

Карнеад был основателем «Новой Академии» и последователем Аркесилая. Как и тот, он был скептиком и не оставил после себя трудов. Плутарх отмечает, что он говорил очень громким голосом. Известна история о том, как Карнеад выступил в Риме в 155 году до н. э. с двумя (предположительно, громкими) речами. В первой он защищал концепцию справедливости, во второй – нападал на нее. Показывая, что человек способен последовательно выступать за какую-либо идею или против нее, он продемонстрировал, что правильным философским отношением должно быть скептическое воздержание от суждения.

По мнению Виктора Брошара, высказанному в книге 1887 года «*Les Sceptiques grecs*» (которая, кстати, оказалась одной из последних книг, прочитанных Ницше перед началом его психического заболевания), старость плохо обошлась с Карнеадом. Он ослеп и страдал от жестокой и всепоглощающей немощи. Его критиковали за отсутствие смелости, не позволявшее ему покончить с собой, хотя, по всей видимости, он был близок к этому. Ему принадлежит выражение: «Природа, создавшая меня, меня же и разрушит». Он умер в возрасте 85 лет.

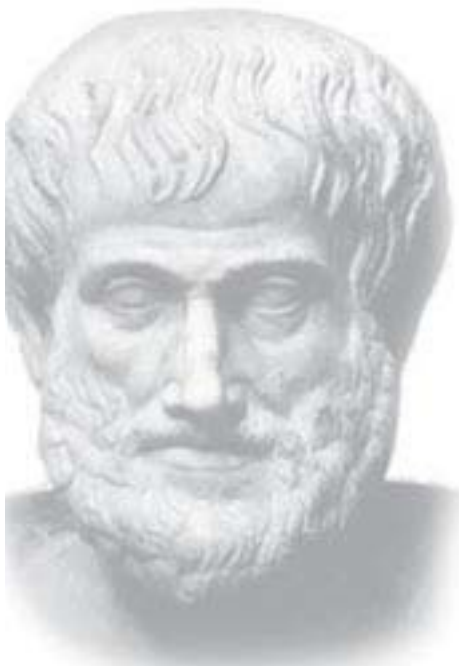
Гегесий

(даты жизни неизвестны, III век до н. э.)

Малоизвестный представитель киренской школы философии, названной так в честь города Кирена (на территории современной Ливии), который также был родным городом Карнеада. Киренаики считали, что удовольствие, испытываемое в настоящий момент, представляет собой единственный критерий блага. Однако Гегесий был не в силах разделять столь гедонистические взгляды. По его мнению (если верить «*Historia Critica Philosophiae*» Брукера), удовольствие невозможно, и единственная забота человеческих существ состоит в избегании боли. Он был настолько глубоко разочарован в жизни, что написал книгу, доказывающую, что смерть представляет собой величайшее благо как избавление от всего зла. Он стал известен под именем *peisithanatos*, «подстрекающий к смерти». Гегесий защищал идею самоубийства, хотя мы не знаем, воспользовался ли он сам собственными рекомендациями.

Аристотель

(384–322 до н. э.)

В Средние века его называли просто – «Философ». Нам известно несколько любопытных фактов **об** Аристотеле: у него были небольшие глаза, стройные лодыжки и он картавил (согласно Плутарху, многие современники Аристотеля имитировали эту особенность). Он носил кольца и имел довольно необычный стиль одежды. По традиции считается, что Аристотель, как и Эсхил, был лысым, что придает довольно забавный поворот его рассуждениям об увечьях в *«Метафизике»*.

Аристотель полагает, что чашка не считается сломанной, если в ней проделана дыра. Сломанной она будет лишь в случаях, если у нее отломится ручка или какая-то другая часть. Аналогичным образом человек не считается увечным при потере небольшой части тела или селезенки. Увечье будет выражаться лишь в потере какого-то важного органа.

При этом Аристотель тут же делает оговорку, что это относится не ко всем типам потерь, а лишь к тем, при которых элементы человеческого тела «не могут снова вырасти после полного удаления». На этом основании он заключает, что «люди с лысиной не увечны». Видимо, он предполагает, что волосы человека могут, в принципе, снова вырасти (по причинам, которые я бы предпочел не разглашать, я считаю это чрезмерно обнадеживающим заключением).

Хорошо известно, что Аристотель был наставником Александра Македонского до того, как тот стал Великим (то есть в возрасте от 13 до 16 лет). Однако Александр, по всей видимости, был более увлечен Диогеном и киниками. Он говорил, с сомнительной скромностью, что если бы он не был самим собой, то, скорее всего, был бы Диогеном.

Когда Александр навел на Диогена, то встал перед сидящим философом и сказал, что тот может просить у него все, чего захочет. На это Диоген ответил: «Отойди, ты заслоняешь мне солнце».

Известна история о том, что Диоген предложил Аристотелю немного сушеных фиг. Тот принял их и поднял к небесам, восклицая «Велик Диоген!».

После того, как вести о смерти Александра в 323 году до н. э. дошли до Афин, там произошло восстание против македонского правления, которое впоследствии привело к поражению Афин в Ламийской войне. Вследствие связи Аристотеля с Александром, афиняне выдвинули против философа довольно типичное обвинение в непочтительности. Философ покинул город со словами: «Я не позволю афинянам дважды согрешить против философии». Аристотель уехал в имение в Халкиде на острове Эвбея и умер там на следующий год.

Согласно Евмелу, Аристотель умер в возрасте 70 лет, выпив аконита. Однако, по мнению Аполлодора, Аристотель умер от естественных причин в возрасте 63 лет. Еще по одной версии, Аристотель умер от болезни желудка (от которой, по всей видимости, долго страдал).

Благодаря Диогену Лаэртскому у нас имеется его завещание (хотя не исключено, что этот документ был составлен уже после его смерти). Аристотель распорядился сделать щедрое пожертвование Герпиллиде, своей наложнице (этот статус в Древнем мире был совсем не позорным), говоря, что она «была ко мне хороша». При этом Аристотель инструктирует своих душеприказчиков, что в его могилу должны быть положены кости его жены Пифиады, умершей после десяти лет брака.

Теофраст

(372–287 до н. э.)

Ученик Аристотеля и его преемник во главе школы перипатетиков (названной так, поскольку Аристотель любил гулять и разговаривать), его душеприказчик и, вероятно, редактор трудов своего учителя.

Диоген Лаэртский перечисляет свыше 200 работ Теофраста с общим количеством строк 232 808 и включавших в себя трактаты о меде, волосах, фруктах и безумии. По мнению Плутарха, Теофраст заявлял о том, что душа платит высокую арендную плату телу. Из всей этой массы трудов до нас дошли лишь две работы по ботанике и 91 страница из работы «Характеры» (см. стр. xxviii – xxix).

Теофраст умер в возрасте 85 лет, и его последние слова отражают по-настоящему философскую смерть. Когда ученики спросили его, хочет ли он сказать напоследок что-то мудрое, Теофраст ответил:

Скажу лишь то, что многие из удовольствий, которыми может похвастаться жизнь, быстротечны. Как только мы начинаем жить, мы тут же умираем. Поэтому мало что может быть для нас столь же неблагоприятным, как любовь к славе. Прощайте и будьте счастливы. В жизни происходит больше разочарований, чем побед. Но так как я более не могу обсуждать то, чем мы занимаемся, прошу вас и дальше исследовать, что же такое правильное поведение.

С этими словами Теофраст испустил дух. Последовавшие за ним другие руководители школы перипатетиков не могли похвастаться столь же достойным концом жизни.

Стратон

(дата рождения неизвестна, умер в 270 г до н. э.)

Стратон перед смертью настолько сильно похудел, что, по слухам, в момент смерти ничего не почувствовал.

Ликон

(даты жизни неизвестны)

Безукоризненно одетый философ с атлетическим телосложением. Он умер в возрасте 74 лет от подагры после огромных страданий.

Деметриус

(даты жизни неизвестны)

Умер от укуса аспиды.

Антисфен

(445–365 до н. э.)

Последователь Сократа, от которого не осталось практически никаких трудов. Иногда его считают основателем школы стоиков, поскольку он выступал связующим звеном между ними и Сократом. Правильнее считать его первым из киников – «философов-собак»¹. Известна история, иногда приписываемая Диогену, о том, что Антисфена называли «истинным псом». Этот эпитет настолько ему понравился, что после его смерти фигура собаки была высечена в камне, отметившем его последнее пристанище. Когда его спросили, что можно считать вершиной человеческого блаженства, он ответил: «умереть счастливым». Как-то раз он посетил сильно болевшего Платона, которого стошнило в таз. Внимательно глядя в лужу рвоты, Антисфен сказал: «Я вижу желчь, но не гордость».

Согласно мнению Аристотеля, высказанному в *«Метафизике»*, философская доктрина Антисфена состояла в том, что каждая отдельная вещь может быть описана лишь своим названием – одним словом для каждого предмета, без обобщений. Следуя этой логике, Антисфен приходит к заключению о том, что это позволяет избежать противоречий и ложных выводов из синтеза. И на это так и хочется ответить: «Неправда!».

Когда Антисфен проходил ритуал посвящения в культ Орфея (имевшем тайные ритуалы, связанные с возможным переходом в загробную жизнь), высший жрец культа сказал,

¹ Слово «киники» от др. – греч. «κῆνικοί», которое происходит от «κῶν», собака. – Прим. ред.

что люди, прошедшие инициацию, смогут насладиться множеством прекрасных вещей во время пребывания в Гадесе. На это Антисфен спросил у жреца: «Почему же тогда вы не умираете?»

Когда Антисфен был уже старым и больным, Диоген навестил его, держа в руках клинок. Антисфен спросил гостя, что могло бы помочь ему избавиться от боли, Диоген показал ему клинок, на что Антисфен ответил: «Я говорил – от боли, а не от жизни». Он умер от неизвестной болезни.

Диоген

(дата рождения неизвестна, умер в 320 до н. э.)

В противовес общепринятому мнению, идеи киников не являются «цинизмом» в нынешнем смысле слова. Диоген Киник (Диоген Синопский) как-то был назван «Сократом, сошедшим с ума», но такая точка зрения не позволяет увидеть всего здравомыслия подхода к жизни и близости его идей с идеями Сократа, напоминавшего Овода, перенесенного в афинский город-государство.

В ответ на вопрос, что Диоген считает наиболее прекрасной вещью в мире, тот ответил: «Свободу слова». Его слова и действия выражают нескончаемый и прямой протест против коррупции, роскоши и лицемерия. Путь к личной свободе требует честности и полной материальной экономии в жизни.

Диоген рассказывал, что его учитель Антисфен научил его основам жизни в бедности и счастье. Как и его учитель, Диоген добровольно стал называть себя «псом». Когда этим словом назвал его Платон, Диоген ответил: «Это так – я снова и снова возвращаюсь к тем, кто меня продал».

Диоген – источник интереснейших историй. Когда он увидел, что некто пьет из ладоней, он выбросил свою кружку. Диоген жил в бочке и перекатывал ее с места на место в жаркое время года. Он приучил себя к холоду, обнимаясь зимой со статуями, покрытыми снегом. По его словам, человек, приходящий в публичный дом, может понять, что между вещами, которые стоят денег или достаются бесплатно, нет большой разницы. Он мастурбировал на общественных рынках, жалуясь на то, что не может точно так же потерять свой пустой желудок, чтобы избавиться от чувства голода. Он питался сырыми кальмарами, чтобы не тратить время и силы на приготовление пищи. Когда Диогена продавали в рабство, он высмеивал аукциониста. А когда фармацевт Ликий спросил его, верит ли Диоген в богов, он ответил: «Как я могу в них верить, когда вижу перед собой такого забытого богами негодяя, как ты». В ответ на вопрос, что считать правильным возрастом для брака, он сказал: «Молодым еще рано, старым уже поздно».

По всей видимости, он пропагандировал совместное проживание большого количества жен и мужей и также считал, что воспитание детей должно быть общим. Диоген полагал, что нет ничего предосудительного в краже из храма или в питании любой плотью (в том числе человеческой). На вопрос о своем происхождении Диоген назвал себя «гражданином мира» или *kosmopolites*. Сложно себе представить, чтобы космополиты наших дней пили воду из ладоней, ели человеческое мясо, обнимали статуи и занимались мастурбацией на публике. В сущности, «космополитизм» Диогена представляет собой, скорее, нечто более антиполитическое, чем современный банальный интернационализм.

Диоген считал лекции Платона напрасной тратой времени. Как-то раз Платон дал определение человеческому существу как двуногому животному без перьев и был вознагражден за это бурной овацией. Диоген поймал цыпленка и принес его на собрание со словами: «Вот человек Платона». Когда Платон в свойственной ему манере говорил о понятиях «чашности» и «стольности» в отношении общих универсальных идей для предметов, Диоген сказал: «Я вижу стол и чашку, но не вижу ни чашности, ни стольности».

Диогену Лаэртскому приписывается целый ряд трудов, ни один из которых до нас не дошел, однако особое место среди них занимает трактат о смерти (носящий странное название «Галка»).

Когда Диогена спросили о том, как бы он хотел быть похоронен, он ответил: «Лицом вниз». Когда философ Ксениад поинтересовался причинами этого решения, Диоген дал довольно странный ответ: «Потому что нижнее скоро станет верхним».

Говорят, что на момент смерти Диогену было почти 90 лет. Согласно одному свидетельству, он умер после того, как съел сырого осьминога, а согласно другому, он совершил самоубийство, просто перестав дышать.

Лукиан изображает Диогена в Гадесе, высмеивающим когда-то могущественного и привлекательного царя Мавзола, преданного земле в огромном дворце-мавзолее после того, как он завоевал большую часть Малой Азии. Все равны перед смертью, а размер в Гадесе не значит ничего. Смерть превращает в киников всех нас.

Кратет Фиванский

(365–285 до н. э.)

Ученик Диогена и еще один киник. Плутарх написал труд *«Жизнь Кратета»*, который впоследствии был утрачен. По всей видимости, Кратет провел свою жизнь в бедности и веселье. Зная о приближающейся смерти, он пел себе песенку: «Идешь ты в путь, милый горбун, идешь ты в дом Гадеса, согнутый под весом лет».

Гиппархия

(даты жизни неизвестны, акме в III веке до н. э.)

Гиппархия – это первая женщина-философ, упоминаемая Диогеном Лаэртским. Еще в молодые годы она заинтересовалась философией и личностью Кратета, который был значительно старше ее. Отказав многим высокородным и богатым женихам, она потребовала, чтобы родители выдали ее замуж за Кратета. Те в отчаянии позвали Кратета для того, чтобы переубедить ее. Это ему не удалось, и, в качестве последнего отчаянного жеста, Кратет сорвал с себя всю одежду и сказал:

Вот твой жених и все его добро. Решай. Если хочешь остаться со мной,
то становись такой же, как я.

Гиппархия сделала свой выбор и, начиная с этого момента, она жила и одевалась как Кратет, а также следовала общему стилю жизни киников. Согласно свидетельству Секста Эмпирика (II век н. э.), Кратет и Гиппархия имели странное обыкновение заниматься любовью на публике. Причина ее смерти неизвестна.

Метрокл

(даты жизни неизвестны, конец III в до н. э.)

Метрокл был братом Гиппархии. По легенде, он шумно выпустил газы во время репетиции своей речи. Это привело его в такое отчаяние, что он попытался уморить себя голодом до смерти. Кратет навестил отчаявшегося Метрокла и приготовил блюдо из волчьих бобов. Разумеется, поскольку волчьи бобы относятся к семейству бобовых или *fabaceae*, это привело к обильному выделению газов у обоих философов. По непонятным для меня причинам, волчьи бобы были крайне популярными среди киников и упоминаются Диогеном в *«Диалогах»* Лукиана. Постепенно Кратет убедил Метрокла в том, что в подобных действиях нет ничего постыдного, и тот, ранее бывший учеником Теофраста, стал последователем Кратета. Таким образом, философия порой начинается с испускания газов, а кто-то может даже сказать, что горячий воздух на входе на одном конце тела компенсируется выходом горячего воздуха на другом.

Метрокл умер в старом возрасте, «подавившись пищей», как коротко замечает Диоген Лаэртский. Остается надеяться, что он подавился не волчьими бобами.

И эта история заставляет меня вспомнить следующий пассаж из комедии «Облака» Аристофана, в которой Сократ, выступающий в роли шарлатана-софиста, пытается убедить доверчивого Стрепсиада в том, что на самом деле является причиной грома. Сократ говорит:

Ну прикинь, если столько грозы и громов
в животишке твоём, так подумай,
Как чудовищно воздух безмерно большой
и бурчит, и гремит, и грохочет.

Итак, по его мнению, гром и испускание газов есть, по сути, одно и то же. Иными словами, гром представляет собой странный способ, с помощью которого природа делает некое философское заключение.

Менипп

(акме в 3 веке до н. э.)

Менипп был финикийцем. Поначалу он был рабом, практиковавшим ростовщичество (по всей видимости, с большим успехом), а затем стал гражданином Фив (видимо, достаточно богатым). Рассказывают, что у него отняли все деньги, после чего он в отчаянии повесился.

Менипп был последователем Диогена и, возможно, самым циничным (в современном смысле слова) из киников. Он совершенно определенно был киником, склонным к смеху и восхитительно жестокому сквернословью. Хотя до нас не дошел ни один из его трудов, он известен благодаря придуманному им литературному жанру – менипповой сатире, большими любителями которой были Петроний и Лукиан. В «Разговорах в царстве мертвых» последнего Менипп предстает непревзойденным антигероем, отправленным в Гадес, чтобы высмеивать жалобы прежде богатых и влиятельных людей типа Мидаса и Креза, и философов типа Сократа, изображенного в роли охотника на малолетних мальчиков (старые привычки неистребимы). Менипп отказывается заплатить Харону, лодочнику подземного царства, и приобретает за это расположение Цербера, трехголового адского пса. Это – типичный пример того, как один пес преклоняется перед другим. Цербер завершает их диалог словами:

Один лишь ты, Менипп, вел себя так, как подобает представителю
нашего рода, да еще до тебя Диоген: никто вас не принуждал, никто не
толкал, а пришли вы по собственной воле, со смехом, пожелав всем на
прощанье всего скверного.

Теперь же я бы хотел обратиться к трем философским школам, оказавшим значительное влияние на позднюю Античность и последующие эпохи, – скептицизм, стоицизм и эпикурейство.

Скептики, стоики и эпикурейцы

Анаксарх

(даты жизни неизвестны, процветал в 4 веке до н. э.)

Он был последователем Демокрита и учителем Пиррона. Анаксарх заявлял о том, что не знает ничего, даже факта своего незнания.

Хотя он был известен как «счастливый человек», эвдемоник, жизнь его не завершилась хеппи-эндом. Как и Пиррон, он путешествовал с армиями Александра Македонского. Говорят, что во время пира с участием Александра он оскорбил Никокреона, тирана Кипра. Тиран так и не забыл оскорбления, и когда плохая погода вынудила корабль Анаксарха пришвартоваться к берегам Кипра, он был тут же схвачен. Никокреон приказал, чтобы Анаксарха бросили в огромную ступку и забили до смерти железными пестиками. В этот момент Анаксарх воскликнул: «Бейте, бейте мешок, содержащий Анаксарха – убить самого Анаксарха вы не сможете».

Когда же Никокreon приказал, чтобы философу отсекали язык, то, как говорят, Анаксарх подобно Тимихе, откусил собственный язык и плюнул им в тирана.

Пиррон

(360–262 до н. э.)

Пиррон было основателем крайне важной традиции древнего скептицизма. Поскольку сам он не оставил после себя никаких письменных трудов, его идеи дошли до нас через его ученика Тимона, профессионального танцора, ставшего философом, и называвшего себя «Циклопом» из-за того, что у него был всего один глаз.

Однако самое ясное и сильное описание скептицизма Пиррона можно найти у Секста Эмпирика, врача, жившего во II веке н. э. О жизни Пиррона, как и о жизни других скептиков, мы знаем крайне мало. Говорят, что он прожил до 90 лет. Нам известно, что он путешествовал с Александром Македонским в Индию в качестве судебного философа и, по всей видимости, встречался с обнаженными аскетами, которых греки называли «гимнософистами». Как отмечает Джонатан Барнс, «вполне возможно, что у воззрений Пиррона был индийский крестный отец».

Тимон, одноглазый бывший танцор, говорил: «Воистину, никакой другой смертный не мог соперничать с Пирроном». Он был знаменит тем, что всегда оставался в одном и том же спокойном состоянии. Оказавшись на корабле во время жестокого шторма, напугавшего других пассажиров, Пиррон указал на свинью, которая, как ни в чем не бывало, увлеченно что-то ела, и сказал, что именно так и должен вести себя мудрый человек. Когда на него как-то раз внезапно напала собака, сильно его напугавшая, он извинился перед своими спутниками, сказав: «Мне сложно было отказаться от своей человеческой части».

Подобное спокойствие мышления являлось основной целью древнего скептицизма. Именно в нем кроются корни нашего нынешнего отношения к понятию «человеческого благополучия». Очевидно, что это существенно отличается от современного понимания скептицизма. Обычно мы связываем его с радикальным сомнением в существовании материального мира, Бога или души. В современной философии, к примеру, у Декарта и Канта, скептицизм представляет собой опасную и ошеломляющую угрозу, на которую следует отвечать поиском внутренней уверенности.

Однако в Античности скептицизм как раз и представлял собой такой ответ, и это был не какой-то научный анализ сомнений, а явное выражение реального жизненного пути. Скептицизм невероятно практичен.

Греческое слово *skeptikos* означает «опросник», а «скептик» — это человек, который не заявляет о том, что что-то знает, а настойчиво занимается исследованием знания. У каждой истории есть две стороны; иными словами, мы можем собрать доказательства, подтверждающие как убеждение *x*, так и его отрицание *y*. Если воспользоваться яркими примерами из древности, то персы верили, что в сексе с собственными дочерьми нет ничего особенного, а Хрисипп считал вполне нормальным иметь подобные отношения с собственными матерями. При этом нужно отметить, что основная масса древних греков не разделяла таких убеждений и даже отрицала эти идеи на уровне законодательства.

Настоящий скептик, по сути, скептивен относительно веры как таковой. Он предпочитает изучать обе стороны вопроса и всеми возможными способами воздерживаться от суждения (*epoché*). Говоря словами Филона, «мы не можем сказать ничего определенного ни о чем». Скептик не отказывает и не выбирает, — он лишь подавляет суждение и занимается молчанием или *aphasia*. Таким образом, скептик отказывается утверждать или отрицать факт

жизни после смерти. Он не судит о том, отделяется ли душа от тела и существуют ли ад или рай. Не утверждая и не отрицая ничего, человек живет в спокойствии и открытости всем формам изучения мира и естественным образом чужд любым проявлениям догматизма. С учетом вышесказанного, вполне очевидно, что мы не знаем, как именно умер Пиррон, хотя, даже с учетом его скептицизма, можно смело утверждать, что это все же случилось.

Зенон Китийский

(335–263 до н. э.)

Родоначальник стоицизма, любивший есть зеленые фиги и купаться в солнечных лучах. Он был смуглым человеком с искривленной шеей, и, по всем свидетельствам, довольно суровым в своих манерах. Интересно отметить, что Зенон был не греком, а нищим финикийцем, осевшим в Афинах после крушения в афинском порту Пирея корабля с грузом пурпура. Действие «Государства» Платона происходит в Пирее, и именно против Платона была направлена «Республика» Зенона – радикальное и крайне популярное произведение, закрепившее его философскую репутацию. Согласно Плутарху, Зенон считал, что политическая организация не должна быть основана на идее города, каждый из которых имеет свою собственную юридическую систему, а вместо этого все человеческие существа должны рассматриваться как граждане.

В довольно нетипичной для Греции манере он считал, что гражданство может распространяться на женщин и рабов. Зенон выступал против строительства храмов и зданий судов, а также отрицал пользу денег. Он был сторонником открытых отношений между женщинами и мужчинами, а также считал, что они могут носить одинаковую одежду. Возможно, он также защищал инцест и каннибализм. Очевидно, что радикализм Зенона был источником немалого смущения для римских стоиков позднейшей эпохи, типа Сенеки и Марка Аврелия, во времена, когда стоицизм получил одобрение и поддержку в самых высших эшелонах общества.

Зенон был знаменит своей скромностью. Он питался сырой пищей и ходил в тонкой накидке. Казалось, что он совершенно не обращает внимания на такие мелочи, как дождь,

жара и болезненное состояние. Если вернуться к нашей старой теме волчьих бобов, известна история о том, как Зенон напился на одной вечеринке и казался невероятно счастливым. Когда кто-то обратил внимание на то, что у Зенона не видно его привычной неприятной манеры поведения, он ответил: «Волчьи бобы обладают невероятно горьким вкусом, но когда они намокают, то становятся мокрыми».

Зенон читал свои лекции на *stoa*, крытых проходах или портиках, окружавших афинский рынок. Его последователей сначала звали зенонейми, а потом – стоиками. Он возглавлял свою школу в течение 58 лет, а его смерть в возрасте 89 лет представляется довольно странной. Как-то раз, покидая школу, он споткнулся и упал, сломав палец ноги. Лежа с болью, он ударил по земле кулаком и процитировал строчку из «*Ниобы*» Тимофея: «Я пришел к полному согласию с собой, так к чему ты меня зовешь?» Он умер, специально задержав дыхание.

Интересно отметить, что манера его смерти отлично демонстрирует убеждение стоиков в том, что подлинное достоинство состоит в следовании закону природы и что все природные события и объекты, в том числе и волчьи бобы, представляют собой выражение небесного Провидения.

Аристон

(акме в III веке до н. э.)

Ученик Зенона, известный под прозвищем «Лысый», заявлявший о своем безразличии к любым вещам. Он говорил, что в конце своей жизни смог культивировать у себя безразличие и к порокам, и к достоинствам, и в равной степени мог следовать и тому, и другому. Легенда гласит, что из-за своей обширной лысины он умер от солнечного удара. Этому случаю Диоген Лаэртский посвящает худшее из своих ужасных стихотворений:

О, Аристон! до старости дожив лысой,
Зачем не в меру подставлял ты лоб солнцу?
На солнечном припеке захотев греться,
За это и в загробный ты сошел холод.

Дионисий

(акме в III веке до н. э.)

По какой-то причине он был известен как «Изменник». Совершил самоубийство, уморив себя голодом.

Клеанф

(331–232 до н. э.)

Преемник Зенона, второй лидер стоиков, ранее бывший профессиональным боксером. Клеанф был философом с большим терпением и довольно неповоротливым умом (не исключено, что причиной были занятия боксом). Будучи настоящим работягой, Клеанф заслужил прозвище «Осел».

Как и Зенон, он верил, что счастье может определяться как «хороший поток жизни». Из-за отсутствия денег он записывал лекции Зенона на устричных раковинах и бычьих костях. Он искренне наслаждался уважением своего более быстро мыслящего ученика, Хрисиппа, хотя у них имелось забавное разногласие о природе ходьбы: Клеанф говорил, что ходьба представляет собой ответвление того, что стоики называли «руководящей частью» от души к ногам. Хрисипп же полагал, что ходьба как раз и представляет собой руководящую часть.

В пожилом возрасте Клеанф страдал от крайне сильного воспаления десен и отказывался от приема пищи. После того как докторам удалось его излечить, он посчитал, что уже слишком далеко зашел по дороге к смерти. В итоге он уморил себя голодом.

Хрисипп

(280–207 до н. э.)

Третий лидер стоиков, с 232 года и до своей смерти. О нем было сказано: «Если бы не было Хрисиппа, не было бы и стоиков».

Хрисипп был блестящим философом, не лишенным высокомерия. По слухам, он написал 705 книг на тему логики и природы предложений. Вот лишь несколько примеров его ловкости в вопросах логики:

То, чего нет в городе, нет в доме. И если в городе нет колодца, то нет его и в доме.

А вот еще более поразительный фрагмент:

Есть некая голова, и это голова не ваша. Это значит, что вы без головы.

Удивительно, насколько логика помогает человеку познать себя!

Диоген Лаэртский скандально пишет, что Хрисипп допускал браки с матерями, дочерьми и сыновьями, и в третьей своей книге *«О справедливости»* даже писал о допустимости питаться телами мертвых. Страшно представить себе, как могло бы выглядеть угощение на семейных поминках по Хрисиппу.

О его смерти существует две истории, и в обеих участвует алкоголь. Согласно первой, он выпил сладкого вина, не смешанного с водой, упал с сильным головокружением и умер через пять дней. Однако вторая история еще лучше – после того, как какой-то осел (по всей видимости, это был не его старый учитель Клеанф) съел его фиги, он закричал старой женщине: «А теперь дай этому ослу неразбавленного вина, чтобы протолкнуть эти фиги внутрь». После этого он начал смеяться настолько сильно, что от этого умер.

Однако возможно, что последними будем смеяться мы. Если выбрать те немногие фрагменты, которые остались от трудов Хрисиппа, то можно понять, что он развивает следующий тезис. (i) Смерть представляет собой отделение души от тела. (ii) Для стоиков индивидуальная душа или *microcosmos* является частью и ячейкой «мировой души» или *macrocosmos*, идентичного с Богом или небесным принципом. (iii) В этом смысле жизнь души не кончается со смертью, но становится частью того, что стоики воспринимали как вечность и вечно повторяющийся цикл мирового порядка. (iv) Таким образом, если верить фрагменту из Лактанция, Хрисипп заключает: «Нельзя считать полностью невозможным, что и мы после своей смерти вновь вернемся в нашей нынешней форме по прошествии некоторого времени». Если верить этой логике, не исключено, что мы увидим Хрисиппа в будущем.

Эпикур

(341–271 до н. э.)

Стоики резко выступали против эпикурейцев. Родоначальник последнего направления, Эпикур, был назван Эпиктетом «проповедником изнеженности», а Цицерон высмеивал его взгляды на природу богов. Христианин Климент Александрийский назвал Эпикура «принцем атеизма». Тимократ заявлял в своем труде «*Merriment*», что Эпикур дважды в день вызывал у себя рвоту из-за постоянного переедания. В ответ на тошнотворные оскорбления одного из навсифанцев, Эпикур назвал его «размазней, деревенщиной, мошенником и неряхой» – и это только для затравки.

Другие стоики были не столь воинственны, и Сенека пишет в своем труде «*О счастливой жизни*», что Эпикур совсем не заслуживает своей плохой репутации. В 10 книгах Диогена Лаэртца, представляющих собой серию довольно напыщенных репортажей, удивляет сила и продолжительность его защиты Эпикура. «Эти люди обладают абсолютным умом», –

отвечает Диоген обвинителям Эпикура, а затем приводит невероятно длинное (154 страницы) и детальное описание жизни философа.

Эпикур был плодовитым автором, и его основной трактат о естественной философии состоял из 37 массивных томов. Из всего этого богатства до нас дошли лишь четыре письма и разрозненные фрагменты, сохраненные, во многом, благодаря Диогену Лаэртскому, который говорит, что «его благодать была доказана во всех отношениях».

Значительная часть проблемы Эпикура связана с коннотациями, окружающими само слово «эпикурейство». Если, как мы видели выше, киники не были циничными, то сам Эпикур был крайне далек от эпикурейства. Напротив, он защищал воздержание во всем. Он говорил, что он был готов соревноваться с Зевсом в том, кто более счастлив, имея при этом, ячменную лепешку и немного воды. Эпикур добавляет: «Пошли мне небольшую головку сыра; потом, когда я захочу, то устрою себе роскошный пир».

Эпикурейство связано с проблемой развития счастья, понимаемого как состояние блаженства, сопровождающее жизнь без желаний, волнений и, прежде всего, беспокойства. Человек никогда не будет счастлив, если беспокоится о том, чего у него нет. Жизнь без беспокойства означает наслаждение блаженством, присущее богам.

Поэтому эпикурейство никак не связано с возлияниями, веселыми вечеринками, с наслаждением женщинами и мальчиками или с употреблением сырой рыбы и других лакомств необычными способами. Главное для него – это *благоразумие* во всех вопросах. Мудрый эпикуреец не будет жениться или заводить семью. Не будет он и «нести чушь в пьяном состоянии». Что же касается прелюбодеяния, то Эпикур говорит, «плотское общение... никогда еще не приносило пользы». Разумеется, принимая во внимание крайне аскетичное понимание удовольствия Эпикуром, совершенно непонятно, с чего бы кто-то захотел стать гедонистом.

Эпикурейцы жили в небольших сообществах, выстроенных по образцу, который создал Эпикур на окраине Афин и назвал «Сад». Мы мало знаем о жизни этих сообществ, помимо того, что домашние слуги и женщины имели там равные права с остальными и что в них уделялось огромное внимание дружбе. Эпикур говорит, что величайшим благом в человеческой жизни выступает дружба и что мудрый человек «готов, при определенных условиях, умереть ради друга».

Болезненная истина отношения Эпикура к удовольствию проявляется в обстоятельствах его смерти, случившейся примерно через 7 лет после смерти Платона. Здоровье Эпикура было слабым; его ученик Метродор даже написал труд *«О болезненном состоянии Эпикура»*. Он умер в мучительных болях от почечной недостаточности после двух недель страдания, вызванного камнями в почках. Несмотря на это он скончался в довольно радостном состоянии, окруженный друзьями и учениками. В своем последнем письме Гермарху Эпикур пишет:

В самый счастливый и последний день моей жизни я страдаю от невероятно тяжелой болезни мочевого пузыря и кишечника. А затем он, как ни странно, продолжает: Но все мои страдания уравниваются удовольствием души, которое я испытываю, вспоминая наши рассуждения и открытия.

Через два тысячелетия, в 1649 году, с ростом современного научного взгляда на мир, именно такая удовлетворенность души очаровала Пьера Гассенди в его защите жизни и мнений Эпикура, о которой мы говорили выше. С моей точки зрения, для наших дней нет более уместного античного философа, чем Эпикур, поскольку он сочетает в себе атомистический научный взгляд на природу с этической позицией, нацеленной на благоразумие, спокойствие

и преодоление ужаса аннигиляции. Во вступлении к этой книге мы уже немного говорили о ясных взглядах Эпикура на смерть:

Есть вещи, от которых мы можем обезопаситься. Но когда дело заходит о смерти, мы все как человеческие существа живем в городе без стен.

В отличие от пифагорейцев, платоников и стоиков, смерть понимается эпикурейцами как полное умирание, а душа – всего лишь временная амальгама атомных частиц. Жизненное и моральное следствие этой точки зрения состоит в том, что нашу жизнь разрушают страх смерти и жажда бессмертия. Мы должны развивать у себя идею того, что смерть для нас – это ничто или, во всяком случае, не то, чего стоит бояться. Говоря словами Эпикура, «стремиться к достойной жизни и достойной смерти – это одно и то же». Если жизнь можно прожить как подготовку к смерти, то «удовлетворенность души» может вполне считаться чем-то большим, чем тщетное желание.

Лукреций Тит Кар

(акме в I веке до н. э.)

Рассказав об Эпикуре, мы заканчиваем долгое повествование о древних греках. Мы почти ничего не знаем об авторе длинного дидактического латинского эпоса *«De Rerum Natura (О природе Вселенной или О природе вещей)»*, посвященного учению Лукреция. Однако существует и печально известное заявление Св. Иеронима, который пишет в 94 году до н. э., через четыре столетия после Лукреция:

Поэт Тит Лукреций Кар. Любовное зелье свело его с ума, и он создал, в промежутках своего безумия, несколько книг, впоследствии исправленных Цицероном. Он покончил жизнь самоубийством в возрасте 43 лет.

У нас нет никаких оснований верить или не верить этой истории, хотя очевидно, что с христианской точки зрения Св. Иерониму было на руку осуждение гедонистических излишеств великого языческого поэта. Однако история сумасшествия Лукреция, вызванного любовным зельем, переросла в легенду. Теннисон написал свою поэму «Лукреций» в 1868 году. В ней автор представил себе историю с точки зрения жены Лукреция, Луциллы, которая «нашла своего хозяина хладным». И дело было не в отсутствии желания со стороны самого поэта, а в том, что он был «похоронен под тяжестью весомых аргументов», таких как правила латинского гекзаметра или 300 свитков, оставленных его наставником Эпикуром, «которого он боготворил». Не желая признавать подобную холодность, Луцилла, ставшая гневной и раздражительной, воспользовалась услугами ведьмы для приготовления приворотного зелья. Но вместо стимулирования любовной силы напиток вызвал у Лукреция ужасающее видение эпикурейской вселенной с атомами, сталкивающимися между собой с огромной силой. В бреду безумия страсть Лукреция направляется не на его жену, а на высочайшее для эпикурейцев достоинство спокойствия, которому он придает человеческие черты и к которому обращается со страдальческим гимном:

О ты, бесстрастная невеста,
божественное Спокойствие
Тоскуют по тебе мудрейшие из мудрых,
Не смогшие тебя найти.

Поняв свою неспособность добиться божественного спокойствия, он вонзает в себя нож и, таким образом, уходит со сцены. По всей видимости, Луцилла со всеми своими сексуальными желаниями, была достаточно сильно разочарована таким исходом.

Вне зависимости от того, насколько правдива история Св. Иеронима, мы видим, что взгляды Лукреция на смерть достаточно явно выражены в конце третьей книги *«О природе вещей»*. Говоря о смертности и материальности души, Лукреций следует за своим наставником Эпикуром и также заявляет, что «смерть для меня – ничто». Бояться нечего, поскольку:

Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным, Что для него
все равно, хоть совсем бы на свет не родиться, Ежели смертная жизнь
отнимается смертью бессмертной.

К чему страдать и причитать о смерти? Она ничто. Она меньше, чем сон, хотя и похожа на него. Разница заключается в том, что в смерти мы не просыпаемся, а наша телесная форма рассеивается в «бурлящей массе вещества». Перед тем, как мы родились, прошла целая вечность. Стоит ли нам из-за этого беспокоиться? Разумеется, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.